

Владимир КОЛОТЕНКО

ДАЙТЕ МНЕ ИМЯ
или ПРИКОВАННЫЕ К ТЕНИ

Владимир Колотенко
Дайте мне имя, или Прикованные к тени

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638865
Дайте мне имя: Нордмедиздат; СПб.; 2011
ISBN 978-5-98306-105-7

Аннотация

Эта книга – для ищущих путь к Непреходящему, к красоте Бытия, гармонии земли с Небом, совершенству души и тела...

Книгу можно назвать исповедью. Автор естественно и просто вводит нас в мир жизненных ситуаций с мгновениями страданий и радости, опустошения и надежд, робости и мужества, сомнений и веры, боли и любви...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	9
Глава 4	10
Глава 5	11
Глава 6	12
Глава 7	14
Глава 8	15
Глава 9	17
Глава 10	19
Глава 11	21
Глава 12	23
Глава 13	26
Глава 14	27
Глава 15	29
Глава 16	30
Глава 17	33
Глава 18	35
Глава 19	37
Глава 20	38
Глава 21	40
Глава 22	42
Глава 23	45
Глава 24	49
Глава 25	51
Глава 26	53
Глава 27	55
Глава 28	58
Глава 29	59
Глава 30	61
Глава 31	63
Глава 32	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владимир Колотенко

Дайте мне имя

Посвящаю жене

*И услышал я голос с неба, говорящий мне: напиши...
(Откровение, 14, 13)*

Глава 1

СМЕРТЬ НА РАССВЕТЕ

И утреннее солнце обмануло: лишь на мгновение ранний рассветный луч его, найдя крохотный зазор меж беснующихся в ветреной пляске низких грузных темно-лиловых туч, пробился к земле, высветив на миг тревожные лица собравшихся, но тотчас небо зловеще затянулось кроваво-бурой пеленой, а солнце так больше и не показалось. Чтобы не стать тайным свидетелем огромного людского стыда.

За день до случившегося (это, кажется, был четверг) все, кто видели его, близкие, друзья и случайные знакомые, все единогласно соглашались с тем, что на нем просто лица не было, хотя он старался ничем не выдать своей тревоги. Весь день он избегал людей и, держась в стороне, о чем-то думал. Было видно, что он не в себе. За ужином в кругу друзей он почти не шутил, что на него было мало похоже, ничего не ел, разве что отламывал по краюшке от хлеба, то и дело отправляя кусочки в рот и делясь со всеми, с грустью смотрел в глаза каждого, с кем делился, и что-то тихо говорил, словно наставлял. О чем он говорил – никто вспомнить не мог: так... как всегда... о жизни, о любви, о смысле бытия... как всегда, даже что-то о смерти, но как обычно, без всяких акцентов на чем-то важном... Пил тоже мало, больше делясь с другими, стараясь, чтобы чаша соседа не была пуста, и все говорил, говорил... Это настораживало, но не настолько, чтобы опасаться за его жизнь. Никому не могло прийти в голову, что такое может случиться. Кто-то шутливо заметил, что сегодня он похож на ягненка, на что он только улыбнулся, не проронив ни звука в ответ.

Какой-то старик предрек ему его будущее: смерть от удушья в расцвете сил. Он только усмехнулся, словно и это мог знать.

Поздно вечером все вышли на воздух, было тихо, сияли звезды, всей гурьбой отправились в сад. Он, говорят, попросил не шуметь. Потом, вспоминают, были жуткие часы муки...

А утром он умер.

На следующий день после смерти все – родные, друзья и просто знакомые в один голос заявят, что предчувствовали беду, но, виновато разводя руками, будут объяснять, что, мол, ничем помешать этому не могли, что, мол, кто же мог подумать, что он на такое способен...

Смерть наступила, видимо, от удушья, но точно до сих пор не установлено. На месте преступления никаких удавок не обнаружили.

Столько лет прошло...

Преступление, конечно, потрясло мир.

Когда и последняя надежда умерла, и ты убежден, что уже не подняться с колен, когда каждое дыхание считаешь последним, вдруг приходит озарение. Что если, отдав себя в руки Провидения, дать разгуляться воображению и представить себе: ты – Бог. Это представить невозможно, я понимаю. Но это самый верный, если не единственный, на мой взгляд, путь к Небу.

Итак, я представляю себе: Я – Иисус. Я не только ряжусь в его одежды, я пытаюсь разгадать его мысли, вместиться в его тело, влезть в его душу (жалкая попытка).

И вот что важно: я не Христос, но Иисус...

Глава 2

ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

Чудо открылось моим детским глазам, когда я увидел жерло кузницы. Сначала мое внимание привлекли гулкие удары, доносившиеся, словно из-под земли. Я и пошел на их гул. В настезь распахнутой пасти горы полыхало зарево, пахло гарью, и с каждым ударом молота дрожала земля. Гора казалась живым жадным чудовищем, готовым проглотить всю землю. Блестящая от пота, мускулистая глыба кузнеца жила игрой своих мускулов, молот то и дело взлетал и падал на наковальню, стонало и корчилось под его ударами раскаленное железо – будущий меч или щит, или шлем, ухал кузнец, но мое внимание было приковано к ярко-оранжевым жарким шарам, над которыми трепетали нежные сизые язычки, словно чего-то пугающегося пламени. Вспыхнут и тут же погаснут, и опять вспыхнут...

Шары, похожие на апельсины...

Я люблю сладостную, сверкающую на разломах долек, влажную прохладу, которую слизываешь языком и не можешь насытиться, и облизываешь сладкие губы, а в руках уже держишь новый апельсин, сдирая с него кожуру и разламывая потом на дольки, любясь, как сквозь прозрачную кожицу сочатся свежие бусинки сока, от одного вида которых просто слюнки текут... Эти шары с трепетными вьюнками пламени просто завораживали, они влекли меня к себе и я, замороженный, шел на их мерцающий свет, как идут на зов матери, с вытянутыми вперед руками и по детски распахнутыми от восторга глазами. И чем ближе я к ним приближался, тем ощутимее было тепло, которое притягивало меня, как тепло матери, я шел шаг за шагом, очарованный этим зрелищем, шаг за шагом... И вот руки мои уже потянулись к шарам-апельсинам, чтобы зачерпнуть полную пригоршню...

Вдруг – боль...

Я помню, мне было лет пять или шесть, и это было весной и, кажется, в субботу, мы играли у ручья... По уши в грязи, конечно же, босиком, с задиристыми блестящими глазами, вихрастые мальчуганы, мы строили плотину. Когда перекрываешь ручей, живую воду, пытаешься забить ему звонкое горло желтой вялой мясистой глиной, которая липнет к рукам, вяжет пальцы и мутит прозрачную, как слеза, нетерпеливую воду, кажется, что ты всесилен и в состоянии обуздать не только бурный поток, но и погасить солнце. Я с наслаждением леплю из глины желтые шарики, большие и маленькие и бросаю их что есть мочи во все стороны, разбрасываю камни, и в стороны, и вверх, и в воду: бульк!.. У меня это получается лучше, чем у других. Гладкая вода маленького озера, созданного нашими руками, пенится, просто кипит от такого дождя, и я уже не бросаю шарики, как все, а леплю разных там осликов, ягнят, птичек... Особенно мне нравятся воробышки. Закусив от усердия губу и задерживая дыхание, острой веточкой я вычерчиваю им клювы, и крылышки, и глаза. Не беда, что птички получаются без лапок, они, лапки, появятся у них в полете, и им после первого же взлета уже будет на что приземлиться. Несколькими воробышками придется пожертвовать: мне нужно понять, как они ведут себя в воздухе. Никак. Как камни. Они летят, как камни, и падают в воду, как камни: бульк! Это жертвы творения. Их еще много будет в моей жизни. Надо мной смеются, но я стараюсь этого не замечать. Пусть смеются. Остальные двенадцать птичек оживут в моих руках и в воздухе, и воздух станет для них родной стихией. А мертвая глина всегда будет лежать под ногами. Мертвой. В ней даже черви не заведутся. Наконец все двенадцать птичек вылеплены, и перышки их очерчены, и глаза их блестят, как живые. Они сидят в ряд на берегу озера, как живые, и ждут своей очереди. Я еще не знаю, почему двенадцать, а не шесть и не сорок. Это станет ясно потом. А пока что, я люблю свою работу, а они только подсмеиваются надо мной. Это не злит меня: пусть. Мне нужно и самому подго-

товиться к их первому полету. Нужно не упасть лицом в грязь перед этими неверами. Чтобы глиняные комочки не булькнули мертвыми грузиками в воду, я должен вложить в них душу. Я беру первого воробышка в руки, бережно, как свечу, и сердце мое бьется чаще. Громко стучит в висках. Я хочу, чтобы эта глина потеплела, чтобы и в ней забилося маленькое сердце. Так оно уже бьется! Я чувствую, как тяжесть глины приобретает легкость облачка и, сжимая его, чувствую, как в нем пульсирует жизнь. Стоит мне только расправить ладони, – и этот маленький пушистый комочек, только-только проклюнувшийся ангел жизни устремится в небо. Я разжимаю пальцы: фррррр! Никто этого «фррррр» не слышит. Никто не замечает первого полета. Я ведь не размахиваюсь, как прежде, чтобы бросить птичку в небо, и не жду, когда она булькнет в воду, я только разжимаю пальцы: фррррр! Я не жду даже их насмешек, а беру второй комочек. Когда я чувствую тепло и биение маленького сердца, тут же разжимаю пальцы: чик-чирик! Это веселое «чик-чирик» вырывается сейчас из моих ладоней, чтобы потом удивить мир. Чудо? Да, чудо! Потом это назовут чудом, а пока я в этом звонком молодом возгласе слышу нежную благодарность за возможность оторваться от земли: спасибо!

Пожалуйста...

И беру следующий комочек. Все, что я сейчас делаю – мне в радость. Когда приходит очередь пятого или шестого воробышка, кто-то из моих сверстников, несясь мимо меня, вдруг останавливается рядом и замерев, смотрит на мои руки. Он не может поверить собственным глазам: воробей в руках?!!

– Как тебе удалось поймать?

Я не отвечаю. Кто-то еще останавливается, потом еще. Бегающие, прыгающие, орущие, они вдруг стихают и стоят. Как вкопанные. Будто кто-то всевластный крикнул откуда-то сверху всем: замрите! И они замирают. Все смотрят на меня большими ясными удивленными глазами. Что это? – вот вопрос, который читается на каждом лице. Если бы я мог видеть себя со стороны, то, конечно же, и сам был бы поражен. Нежный зеленовато-золотистый нимб вокруг моей головы, словно маленькая радуга опоясал ее и мерцает, как яркая ранняя звезда. Потом этот нимб будут рисовать художники, о нем будут вестись умные беседы, споры... А пока я не вижу себя со стороны. Я вижу, как они потихонечку меня окружают и не перестают тарачить свои огромные глазищи: ух ты! Кто-то с опаской даже прикасается ко мне: правда ли все это? Правда! В доказательство я просто разжимаю пальцы.

«Чик-чирик...»

– Зачем ты отпустил?

Я не отвечаю. Я беру седьмой комочек. Или восьмой. Они видят, что я беру глину, а не ловлю птиц руками. Они это видят собственными глазами. Черными, как маслины. И теперь уже не интересуются нимбом, а дрожат от восторга, когда из обыкновенной липкой вялой глины рождается маленький юркий звоночек:

– Чик-чирик...

Это «чик-чирик» их потрясает. Они стоят, мертвые, с разинутыми от удивления ртами. Такого в их жизни еще не было. Когда последний воробышек взмывает в небо со своим неизменным «чик-чирик», они еще какое-то время, задрав головы, смотрят заворуженно вверх, затем, как по команде бросаются лепить из глины своих птичек, которых тут же что есть силы бросают вверх. Бросают и ждут.

«Бац, бац-бац... Бульк...»

Больше ничего не слышно.

– Послушай, – кто-то дергает меня за рукав, – посмотри...

Он тычет в нос мне своего воробышка.

– Мой ведь в тысячу раз лучше твоего, – говорит он, – и глазки, и клювик, и крылышки... Посмотри!

Он грозно наступает на меня.

– Почему он не летает?

Я молчу, я смотрю ему в глаза и даже не пожимаю плечами, и чувствую, как они меня окружают. Они одержимы единственным желанием: выведать у меня тайну происходящего. Я впервые в плену у толпы друзей. Дитя Неба, я не мог тогда знать, друзья могут не только пленить тебя, но и предать.

А вскоре их глаза наполняются злостью, они готовы растерзать меня. Они не понимают, что все дело в том, что... Они не могут допустить, что... У них просто нет нимба над головой, и в этом-то все и дело. Я этого тоже не знаю, поэтому ничем помочь не могу. В большинстве своем они огорчены, но кто-то ведь и достраивает плотину. Ему вообще нет дела до птичек, а радуги он, вероятно, никогда не видел, так как мысли его увязли в липкой глине. Затем они бегут домой, чтобы рассказать родителям об увиденном. Они фискалят, доносят на меня и упрекают в том, что я что-то там делал в субботу. Да, делал! Что в этом плохого? И наградой за это мне теперь звонкое «чик-чирик». Разве это не радость для ребенка? Им такое даже в голову не может прийти: я еще хоть и маленький, но уже Иисус... Да, и вот еще что: каждый день, каждый день, встав на цыпочки, я тянусь к Небу, к Христу...

И к кресту, тоже...

Глава 3

ВОСТОРГИ ТИШИНЫ

Я никак не мог вспомнить, с чего все началось и никогда толком не мог себе представить, как все произойдет. Детального, так сказать, плана воплощения предсказаний у меня никогда не было. Теперь-то я знаю, что остаток жизни проведу в жуткой боли...

Боль поселилась и пульсирует во мне с тех самых пор, когда кожа моя впервые обожглась на вере. Помните жаркие шары-апельсины? Со временем вера эта заполнила каждую клеточку моего тела, каждую фиброчку. А затем – жизнь.

Меня трудно чем-либо удивить, и это удивляет всех. Такое простое устройство мира – небо, солнце, запахи трав – я принял сразу, как только сделал первый шаг. Наверняка земля качнулась у меня под ногами, и я, может быть, даже шлепнулся не раз прежде, чем в ногах появилась уверенность. Убеждение в том, что землю не стоит раскачивать пушечными выстрелами или громом аплодисментов, пришло позже.

Все детство, не зная забот и горестей, как и все мои сверстники, я изучаю окрестности. Господи, сколько же здесь всего!

– Идем к фонтану, – предлагаю я Рие, – ты там была?

Я замираю в ожидании ответа. Мир вымер. Тишина такая, что слышно, как распускаются лилии. Она вырывает свою руку, но я не отпускаю.

– Ты не была там, ты не видела радугу!

Рия стоит и смотрит на меня огромными, как небо, лазурными глазами. И уже не вырывает руку. Она не знает, что такое радуга, и ей нечего мне ответить. Эти удивленно-удивительные глаза будут сопровождать меня всю жизнь...

– Смотри, – кричу я ей, – смотри, радуга!

Рия само олицетворение непосредственности. Она потрясена. Она просто таращит свои большие лазурные глаза на эти яркие нежные краски, возникшие из водной пыли. И не верит увиденному: разве такое бывает?! Она потрясена.

– Видишь, – произношу я одно-единственное слово и умолкаю, чтобы не разрушить ее потрясения.

Тишина такая, что слышно как распускаются лилии.

Конечно же, больше всего на свете меня привлекает не фонтан и даже не радуга. Лазурное небо ее глаз – вот предмет моего жаркого внимания. Ее удивление и восхищение радугой, которую я ей дарю.

– Идем...

И лучшие годы своей жизни я вручаю этому единственному звуку Вселенной.

Идем!

Минуты убегают без счета, и мы, взявшись за руки, теперь мчимся в горы. Я покажу ей и преогромный камень-катун, и пещеру, и церковь на краю утеса!.. Эта крохотная босоногая церкушка запомнится ей, запомнится... Ей захочется видеть ее снова и снова, молиться в ней, жить в ней...

Глава 4

НЕПРИЯТИЕ НАСТАВЛЕНИЙ

Мир потрясло, конечно, не преступление. Распятими на кресте теперь никого не удивишь.

Мир содрогнулся от того, что накренились его устои...

Тогда больше всего на свете меня поразило, как дерево рухнуло. Высоченный зеленый стройный крепкий, как наконечник копья, молодой кипарис вдруг пошатнулся, верхушка его качнулась и, чертя на голубом небе роковой полукруг, набирая скорость, устремилась к земле. Я стою в стороне, а отец с топором в руке – у основания дерева. Мы ждем, когда раздастся гул падения. Я не понимаю, зачем нужно рубить дерево, и спрашиваю об этом отца.

– Теперь обрубим ветки...

Он, увлеченный работой, не всегда отвечает на мои вопросы. Тем более, что срубить дерево в наших местах – обычное дело. Пень, зияя своей белой раной, сжался от страха, и я едва сдерживаю себя, чтобы не заплакать. Затем плачу. Мне жаль этот жизнерадостный живой кипарис, которому отрубили ногу и теперь каждым взмахом топора обрубают ветки – роскошные нежные руки, которыми он так стремительно тянулся вверх, пытаясь дотронуться своей пышной кроной до высокого неба.

Я ненавижу отца? Я люблю его всей душой! Он дает мне топор: на, руби! Я беру топор и стараюсь взять себя в руки. Занятый своей трудной работой, отец не видит моих слез, и, наклонив голову, присматривается уже к другому кипарису. Кончиками пальцев, он, вероятно, чувствует неуверенность в моих руках.

– Держи же!..

Что есть силы я сжимаю древко топора и приступаю к работе. Мне лет семь или восемь, и топор еще тяжеловат для меня, но ветки под моей тяжестью уже прогибаются. Я вижу, как они вздрагивают в страхе от одного моего взгляда. Хук! И первая веточка отделилась от ствола. Снова зияет белое, как кость, место сруба. Этот круглый большой белый глаз смотрит на меня с жутким укором: за что?! И вдруг плачет. Маленькие росинки слез проступают на срезе, вызревая сверкают как бисер в лучах утреннего солнца, постепенно сливаясь в одну большую слезу, которая отяжелев, падает. Слеза за слезой. Конечно, все это мне только кажется, а слезы катятся из моих глаз. Дитя Неба, я еще много не понимаю из того, что творится на этой земле.

– Хорошо, – говорит отец, – теперь следующую.

Я его ненавижу и, смахнув слезы, поднимаю топор. Я даю себе слово пустить корни на этой земле и, питаясь ее соками, стать деревом, таким деревом, что никакие топоры, никакие пилы не осилят его. Я даю себе слово научиться терять даже то, к чему привязан всем сердцем, преодолевать любую боль.

Глава 5

НЕИСТОВСТВО УЗНАВАНИЯ

Проходят годы...

Многие считают их для меня утерянными. Когда я с купцами отправился в долину нижнего Инда, мне шел четырнадцатый год. Мне нравилась земля пяти рек, которую я исходил босиком, нравились храмы и люди, нравилась жизнь, я стал учеником браминов и изучил Веды. Раджагрих стал моим любимым городом, а в Каплавасте я узнал Будду. Я познал пали и изучил буддийские писания. Путешествия по Непалу научили меня терпению, наполнили силой и мужеством, а Гималаи – очаровали. В Персии Заратустра покорило мое сердце... Влекомый божественной дорогой, я шел по ней семимильными шагами, терпеливо преодолевая невзгоды и трудности, не всегда замечая остановившихся и отстающих, не таща за руку отступивших, упорно и искренно посвящая себя работе над собой, над добродетелями, созидая каждый день, каждый час свою ауру, небесное сияние, чтобы осветить этим светом живое... Что-то осталось в стороне, что-то утеряно.

Пирамиды! Да, я нашел эти символы вечной жизни, эту нить Ариадны, ведущую к Небу. Я исходил их вдоль и поперек, выведал их тайны, проник в их святая святых и Сфикс, в конце концов, мне улыбнулся. Чего я все-таки не успел: вырастить сына, построить дом, посадить дерево... Да мало ли чего еще. Я готов держать пари, что никогда не пожалею о том, чего не успел. Ведь чего-то и достиг. Столько лет странствий! Но каждый год – как день, а день – как год... Индия, Тибет, Персия, Ассирия, Греция, Египет... Куда еще? Мне скоро тридцать. Где меня еще ждут? Пора домой. Те дары, которые мне преподнесло Небо на этом пути, теперь нужно раздавать людям. Не годится, чтобы я стал ненайденным кладом сокровищ.

Пора домой. Да, пришло время заняться миром всерьез.

Глава 6

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Если бы я случайно тогда не оказался рядом, они забросали бы ее камнями. Но я не мог быть в другом месте. Я не хватаю каждого из них за руку, я взглядом обездвиживаю их, затем произношу:

– Кто из вас без греха – первый брось в меня камень.

Рабы греха, они расползлись, разбежались, как тараканы, как тараканы.

Потом я нашел ее среди шумной толпы подвыпивших гуляк. Я бы не обратил на нее внимания, если бы не оказался с нею за одним столом. Мне, собственно говоря, было совершенно безразлично, кто будет сидеть рядом, но я все же надеялся оказаться в мужском обществе. К тому времени я уже решил поделиться с кем-нибудь сокровенными мыслями и искал слушателя. Любой мужчина меня устраивал больше, чем самая нежная и чуткая женщина. Я уже успел раскусить не один, так сказать, женский орешек и теперь осторожничал. Прежде чем поведать женщине о чем-нибудь наболевшем, я должен хорошенько все взвесить и быть уверенным, верно ли она поймет мою исповедь. Не рассмеется ли мне в глаза, не разнесет ли по миру мою тайну, сказав ее до неузнаваемости. Ведь им только дай повод посудачить по закоулкам. Она сидела справа от меня, разговаривая с каким-то длинноволосым юношей, в голосе которого еще слышались детские нотки. Лица ее я видеть не мог, только темные, укрывавшие плечи мягкие волосы. Я, вероятно, так бы и не заметил ее, если бы не этот низкий грудной голос, не этот сдержанный, завораживающий смех, не эти любопытные взгляды мужчин, сидевших вокруг нас и рассыпавшихся перед нею в любезностях. Глаза женщин, я заметил, тускнели от зависти, многие хотели на нее походить, смешно подражая ее манерам, а она была поглощена только своим собеседником. Она оказалась центром внимания, и я просто не мог не удовлетворить свое любопытство. Конечно же, я, как и все, оборачивался, разглядывая присутствующих – нет ли среди них знакомых? Ее густые, темные, слегка волнистые волосы с пепельным оттенком у корня и чуть рыжеватым отливом на плечах вздрагивали всякий раз, когда она поводила головой или смеялась. Ее смех завораживал. Низкий нежный сдержанный звук, мягкие тона – так приветствуют друг друга горы в утренней дымке. Я не мог видеть цвета ее глаз, видел только левую руку, оголенную по локоть, белую нежную кожу, тонкие пальцы, которыми она то и дело барабанила по столу. Меня привлекала и ее беспокойная, зрелая женственность. Время от времени она брала кружку с вином и, пригубив, ставила на место. Я пытался угадать цвет ее глаз, представить ее лицо: тонкие брови, красивый маленький носик с непрременной горбинкой, насмешливые губы с приподнятыми верху уголками... Иногда она просто хохотала. Ее манера барабанить по столу пальцами выдавала темперамент непоседы и свидетельствовала об уверенности в собственных силах. Такие женщины знают себе цену и умеют за себя постоять.

Ее запахи. Я и выбрал-то место за этим столиком благодаря этому терпкому аромату. Здесь, казалось, и дышится легче.

Я не мог не узнать ее: я к ней шел столько лет!

Я спрашивал себя, надо ли бежать за этой женщиной, нужно ли ее завоевывать? Та ли это, кого я ищу? Мое жаркое и непобедимое желание одержать победу, стать ее завоевателем, овладело мной с головы до пят.

Та! Я расслышал это среди шума голосов и вдруг осознал: я нашел!

Если бы не этот смех, этот голос, эти рыжие волосы, этот запах, это постукивание пальчиков по столу, если бы не эти плечи, угадывающиеся под тонкой белой накидкой, не эта тонкая талия и славные бедра, которые я успел краем глаза заметить, не эта голень, которая

то и дело прикасалась к моей ноге, если бы не эта лазурь ее глаз, которых я еще не мог рассмотреть, не эти сладкие губы, вкуса которых я еще не знал... Если бы не все это, я бы и внимания на нее не обратил. Разве? Я искал ее столько лет! Нежность ее кожи я еще мог себе представить, но желание ощутить вкус ее сочных губ поставило меня в тупик. Конечно же, меня распирала жажда нового знания, и я уже не искал случая поговорить с кем бы то ни было. Я, как сказано, жаждал знакомства с ней. Но ведь мы знакомы уже тысячу лет! Я все эти годы помнил о ней, тем не менее я искал знакомства. Близости? Нет. Или все-таки близости? Вот так с наскока, не успев рассмотреть как следует эту немислимую лазурь, не узнав даже имени?..

Не ответив ни на один из вопросов, я бросился вслед и следовал за ней от истории к истории. Я тогда уже знал – это наша история. Рия сразу меня узнала.

– Ах! Вот ты какой!..

– Ты тоже повзрослела.

– Я?! Нет. Я такая же, маленькая-маленькая девочка...

Глава 7

ПРЕДЧУВСТВИЕ РАЯ

Поздно вставать стало моей сладкой привычкой. Утра здесь тихие, сонные и ленивые, солнце не всходит, а постепенно появляется из розового марева, ярко-малиновое, огромное, заспанное. Со дня возвращения домой моя постоянная готовность взять судьбу за рога тотчас разбивается о стену сомнений, как только я открываю глаза. Меня всякий раз будит какой-то неясный странный звук – то ли трель жаворонка, то ли радостная игра чьей-то веселой свирели, неназойливо крадущей сладостный сон. В доме два низко посаженных окна, удивленно глядящих в мир пустыми зрачками, сквозь которые уже сочится алый рассвет. Новый день, улыбаясь, сонно входит ко мне, наполняя мою обитель тихим теплом и веселым светом. Здравствуй!.. Я приветственно протягиваю навстречу ладони, и вдруг понимаю, что сегодня мне уже не увильнуть от объятий судьбы. Что ж, привет! Выйдя на порог, потягиваясь, с еще не разлепленными веками, я пытаюсь выяснить, откуда исходит этот небесный звук, но раскрыв глаза, тут же забываю о своем намерении: меня манят горы. Маленький, дикий, неухоженный сад... Мне никогда не нравились вычищенные и опрятные, как спальня, сады. Туда и птицы не залетают, и дырявые тени не освежают. Тревожный свет ожидания освещает здесь каждый цветок, каждый камушек и росинку. Ну вот и пришло время расставания. Равнина тянется на много миль, края ее не видно. В обе стороны он теряется в пурпурно-молочной дымке, сквозь которую, я знаю, скоро проступят золотисто-рубиновые вершины ближайших гор. Ни ветерка. Я тороплюсь, я хочу еще раз осмотреть с высоты этих гор бескрайние, озаренные юным солнцем дальние просторы, образующие вселенских масштабов пылающий горн. Воздух этой страны уже пахнет паленым. Все чего-то ждут, что-то должно случиться. Что? Вокруг – ни души. Я рад этому безлюдью, хотя мысли мои и заняты человечеством. В тишине шуршат лишь мои сандалии по каменистому абрикосовому грунту, постукивает о камешки посох и звенит в вышине жаркий жаворонок. Позади еще слышен лай собак. Резвые горлицы и сизые дрозды соревнуются в скорости. Кажется, жизнь полна мира и покоя. Одноногие аисты стыдливо и важно караулят этот мир, ничуть не пугаясь моей близости. Здесь земля пахнет серой и смолистыми шишками. Особенно по утрам. На линялом ковре летнего неба бережным бисером рассыпана лень, но я тороплюсь: меня уже ждет моя жизнь нараспашку. Кутаясь в золотисто-малиновый плед рассвета, я шагаю вперед. День только начинается...

Глава 8

ЗАБОТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Поразительно, но я не могу заставить себя не мечтать об утерянном счастье.

Едва произносишь ее имя – и слышится порыв ветра. Есть что-то настойчиво-торжественное в этом звуке, но и тревожное. Я называю ее Ри.

– Ри, – говорю я, – ты считаешь, что...

Она лежит, беспечно раскинувшись в тени оливкового дерева на моем хитоне и, кажется, спит. Мы взбирались на эту гору целый час только мне одному известной тропой и теперь отдыхаем. Солнце уже качнулось к западу, но еще жарко, и только тень дерева спасает от его безжалостных лучей. С нами пес, рыжий как апельсин, от которого Рия просто сходит с ума.

– Ты считаешь, – снова произношу я и умолкаю, чтобы не выдать свое волнение дрожью голоса.

Конечно же, она не спит. Я впервые затащил ее на эту гору, любимое место моего уединения, чтобы показать ей величественную панораму окрестностей. Мне нужно ей столько сказать! И прежде всего мне нужно, рассказывая ей историю своего будущего, нашего будущего, выслушать самого себя. Я достаю из сумки ножик, а свежий зеленый росток, ветка масличного дерева, лежит со мной рядом. Я говорю себе: возьми ветвь и сначала оборви еще не увядшие зеленые листья. Выкинь из головы все мысли и думай только о том, чтобы не повредить нежную кожицу. В сторону Рии лучше не смотри. Отрежь тонкий конец ветви, затем сделай делительные насечки на коре, две штуки, чтобы получилось три отрезка. Спроси меня, почему три – не отвечу. Теперь отрезай по одному... Стоп-стоп! Прежде, чем отрезать, обстучи кору первой заготовки рукояткой ножа. Делать это нужно нежно, почти неслышно, чтобы не повредить зеленую оболочку кожицы.

– Что ты делаешь?

Глаза у нее до сих пор закрыты, а тень дерева уже сошла с ее лица. Волосы засверкали золотой медью, а слегка приоткрытые губы – как мякоть персика, зрелого персика, который освободили от кожицы, с проступившими капельками сладкого, как мед, сока, бусинками сверкающего на солнце. Губы просто сочатся желанием нежного поцелуя.

– Что ты делаешь?

У меня одна забота – снять неповрежденной кожицу с ветки. Когда обита кора на первой заготовке, обхвати палочку обеими руками и попытайся тихонечко провернуть чехол из обитой кожицы вокруг гладкой древесины. Очень важно при этом не повредить его. Здесь требуются известная сноровка и старание, верность руки и глаза. Оставь в покое мечту об этих сладких губах и переключи свое внимание на заготовку. Рррраз! – и чехол соскальзывает с белой и гладкой, как кость, древесины. Теперь, орудуя острием ножа, вырежь тонкую канавку почти по всей длине оголенного древка. Трубочку из коры возьми в рот и дыши сквозь нее, чтобы она не высохла изнутри. Поскольку рот занят, можно не отвечать на ее вопросы. Нужно просто забыть, что она рядом, не видеть ее открытого белого лба, этой буйной гривы рыжих волос, родинки на белой коже шеи, не обращать никакого внимания на мирно вздымающиеся в такт дыханию молочные холмики в вырезе туники, от которых невозможно оторвать глаза. Возьми же, наконец, себя в руки и уйми эту предательскую дрожь. Можно ведь испортить все дело. Когда ложбинка готова, сделай несколько насечек поперек заготовки. Здесь тоже нужно не применять силу, чтобы не сломать палочку. Но глаза, глаза-то! Они не подчиняются мне и ищут ложбинку между холмиками в вырезе. Она так и втягивает взгляд. И здесь необходимо проявить волю: никаких соблазнов. Нужно твердо

идти к следующей насечке. Когда насечки сделаны, и ты готов, вынув трубку изо рта, увлажнить языком палочку, звучит ее вопрос:

– Ты вчера так и не встретился с этим своим?..

– Э-а.

Это все, что я могу произнести, поскольку успел сунуть в рот уже палочку с насечками и теперь тружусь над тем, чтобы в конце трубочки сделать пять дырочек, которые бы совпали с насечками.

– Да брось ты эти свои веточки, ты же видишь, у тебя руки дрожат.

Трубочки, палочки, дырочки, насечки... Все это занимает уйму времени, которое заполнено, якобы, важной работой, дающей возможность прийти в себя. И, когда, наконец, ты свободен от томительных мыслей, бережно откладываешь в сторонку ножик, рядом кладешь трубочку с дырочками, затем палочку с насечками, и на четвереньках, как раб, подползаешь к ней поближе, нависаешь над ней, как туча, и не удивляешься, что она не пугается внезапно накрывшей ее тени, знаешь, что и она давно ждет момента, чтобы мои губы, вместо облизывания каких-то там палочек, прикоснулись к ее губам... Потом, когда я снова возвращаюсь к своей работе, беру в недрожащие руки нож, и делаю, так сказать, отделочные работы, увлажняя языком высохшую палочку и пытаюсь воссоединить кожицу с оголенной веточкой, она снова спрашивает:

– Что ты там мастеришь?

– Вот, – говорю я, – смотри...

– Что это?

– Свирель, – говорю я, – слушай...

Звуки свирели ее очаровывают.

– У тебя золотые руки, – восхищается Рия.

– Да, – говорю я, – шелковые...

Она соглашается. Затем, по пути домой, я рассказываю, как просто воду превратить в вино, как сделать зрячим слепого, а страдающего падучей избавить от этого злого недуга, и как нелегко верблюду пройти сквозь игольное ушко.

– Как это? – спрашивает она.

Я рассказываю.

– Правда? – говорит она.

– Да, правда.

И рассказываю о нашем будущем, которого у нас никогда не будет.

– Почему не будет? – удивляется она.

Я объясняю.

– Уйду, – неожиданно произносит она. – Зачем мне мир без будущего?

И улыбается.

– Правда, Рыжик, – добавляет она, глядя теперь загривок нашего пса, – зачем нам такой мир?

И улыбается. Этой улыбки достаточно, чтобы осветить весь этот мир. Затем мы молчим, чтобы не угрожать нашему счастью словами, которые всегда для него разрушительны.

Глава 9

БОЛЬ ПРОЩАНИЯ

Я сижу в своей мастерской...

Не прошло и недели с тех пор, как здесь работали. Я вижу старый расшатанный верстак, опилки в углу, топор, торчащий в бревне. Все в пыли. Угол окна затянут паутиной. Запустение царит здесь с тех пор, как я отказался от заказов. Я сижу в плаще, без платка на голове, ощущая босыми ногами прохладу каменного пола. Солнце уже взошло и его лучи нашли на полу сиротливую россыпь гвоздей, которые уже никогда никому не понадобятся. Последний крест из белого дерева, который я так старательно мастерил, печально прикинул к стене, уронив крепкие плечи. Значит, кто-то еще поживет на свете. Я сижу на табуретке и играю ножиком, всегда выручавшим меня при изготовлении свирелей, до сих пор пользующихся успехом у пастухов. Грустно смотреть: пыль, паутина, печальный крест. Как будто здесь обитает покойник. Пилы тоже припылены, хотя зубы их еще скалятся (я вижу – не только скалятся, но и весело выблискивают, готовые впиться в какую-нибудь молодую смоковницу). Молотки сунуты в глиняные горшки с водой, чтобы не рассыхались рукоятки. Но вода высохла. А молотки хотят пить. Что еще прибито пылью: небольшие скамеечки, реечки под столом, глиняная посуда с остатками еды. Все брошено, словно мастерскую покидали в спешке. Древко копья у стены – чистенькое, будто только что с верстака. Этим древком еще могут воспользоваться. Нужно насадить наконечник, и копьё можно пускать в дело. Книга на столе. Завернутая в чистую тряпицу, она у меня всегда в чистоте. Я люблю, когда вокруг царит порядок, но больше всего мне нравится порядок, который царит у меня в голове. Пахнет пылью, частички которой пляшут в воздухе крохотными светлячками в солнечных лучах. Танец остановленного времени. Я все еще сижу на скамье, играя ножиком. Что касается хозяина мастерской, то определенно можно сказать, что работать ему здесь нравилось. Тесать, колоть, пилить, строгать ему было в удовольствие. Вбивать гвозди в древесину и слышать, как поет стержень от меткого удара молотка, ему нравилось. Он, вероятно, любил сидеть вечерами у огня и, отпивая маленькими глоточками кислое вино, в одиночестве читать свои книги...

В одиночестве?

Были прелестные вечера, когда здесь царила женщина.

– Ты у меня, – говорила она, – сама нежность...

И он готовил ужин. И завтрак... Господи, неужели это когда-то было? У нас всегда был запас вина, вероятно, поэтому так ужасны пустые кружки. Я беру ее кружку и рассматриваю дно. Да, остатки вина высохли. Я нюхаю, чтобы удостовериться, что исчез и его запах. Зачем я прислушиваюсь? Чтобы убедиться, что никто ко мне не придет? Да и кто может прийти сюда теперь? С Рией мы были здесь счастливы.

Но мало ли кто может вспомнить о старом заказе? Вдруг кому-то срочно понадобилось копьё. Или, скажем, крест. Кресты ведь всегда кому-нибудь да нужны. Я хочу, чтобы хоть кто-то пришел. Если не считать мышки, которая всегда шуршит в кучке соломы – тишина. Как ночью на вершине горы. Я вижу: ее платок на гвозде. Ришка. Я произношу ее имя и прислушиваюсь – шепот нежной любви. Я не кричу, не бегу, спотыкаясь, к выходу, не ищу ее среди запаха трав. Мне не удастся уже зажечь лучину и раздуть снова костер нашей любви. А то бы... А то бы зарево пожара осветило все, что творится в моей душе. Я зашел сюда, чтобы взять свой ножичек, который может еще мне пригодиться: свирели нужны будут всегда. Их звуки, надеюсь, еще будут зазывать стада.

Видимо, я напрасно сижу здесь с босыми ногами на каменном полу с непокрытой платком головой в ожидании кого-нибудь из своих знакомых, отчаявшись разжечь огонь, крохотную лучину, которую можно было бы поднести к сухой стружке в углу и ждать, когда появится первый сизый вьюнок, а затем затрещат сухие опилки, передавая огонь рейкам, что на полу, и скамеечкам, и древку копья, ждать, пока огонь не перекинется к подпоркам крыши и к верстаку и, наконец, не станет лизать жирным красным языком остов креста, подрумянивая его белые бока. Чтобы крест никому не понадобился. Какое-то время платок Рии, висящий в отдалении на стене, будет нетронутым. Но вскоре огонь подкрадется и к платку... Ее запахи сменит сначала запах терпкого злого древесного дыма, а затем и платок вспыхнет маленьким славным пожаром и сгорит в один миг, как сгорает звезда. Свою старую, толстую, мудрую книгу я вынесу из пожара. Она мне еще понадобится. Шлепая босыми ногами по каменному полу, я направляюсь к выходу, оставляя за собой сизый дым пожара, который никогда не вспыхнет, потому, что нет огня, способного превратить в пепел прожитые здесь годы.

Глава 10 ВЫБОР ПУТИ

Теперь и лай собак не слышно. Оглянувшись назад, уже не видишь построек, зато замечаешь, что солнце обрисовало свои кровавые контуры. Оно еще не золотое, но уже и не малиновое. Идти бы вот так до тех пор, пока не сотрется подошва сандалий, разговаривая только с самим собой. Я не ослеплен собственным безумием, я размышляю, как буду жить дальше – плотничать или поучать? Что я буду делать дальше, кем намерен стать, в чем мое будущее? – вот вопросы, на которые мне уже не нужно искать ответы. Я без всяких колебаний выбрал свой путь. Во мне сейчас кипят такие силы, такие жизненные силы!.. Я сейчас – как весеннее зерно на каменном лоне. Ткни меня только в благодатную почву, и такое начнется, такое... Только ткни! Но я все еще в каменных оковах покоя, в состоянии накопления известной меры добра. Я – как сгусток энергии до начала мира. Дитя Света, я готов светить каждому, кто взращен во тьме.

Решение, принятое сегодня ночью, будит меня до восхода солнца. Мать о нем ничего не знает, тревоги в ее глазах нет. Она готова ко всему и ждет этого часа каждый день. Сейчас ее нет в доме, и у меня есть возможность собрать в дорогу кое-какие пожитки без ее участия. Ее повседневная забота всегда вызывала у меня чувство вины, с которым я живу с тех пор, как помню себя. Я не страдаю от укоров совести, но находиться даже некоторое время в поле зрения ее печальных глаз для меня невыносимо трудно. Да, друг мой, говорю я себе, ты должен сделать свой выбор. Что еще захватить в дорогу? Оказывается, не так-то просто встать, накинуть плащ, завязать сандалии и, сказав прощальные слова матери, уйти восвояси. Всегда находится что-нибудь такое, что не позволяет переступить порог. К тому же я не уверен, следует ли мне идти к этому отшельнику. Разве мне нужно исповедываться? Я не помню за собой грехов, которые могут препятствовать моему выбору. И кто определит мне границы греха?

Что если бы он родился столетием раньше и мы бы никогда не встретились?

Прежде, чем попрощаться с родными, я беру свои свирели и, забившись в уголок, негромко насвистываю любимые мелодии. Звуки свирели всегда успокаивали меня и придавали уверенности. Я думаю, что, появившись столетием раньше или много веков спустя, моя дотошная совесть все равно вывела бы меня на тот путь, который я теперь выбрал. Глаз судьбы распознал меня, и теперь от ее взгляда не спрятаться. Потом я сажусь на своего ослика. Чтобы никто не задавал лишних вопросов. А Рыжика прогоняю: домой, иди домой... Сидя на ослике какое-то время, я насвистываю. За городом, спешившись и все еще насвистывая, я сажусь на придорожный камень, и мы прощаемся с осликом. Чтобы никогда не встретиться? Утреннее солнце золотит кромку огромного серого облака, прилипшего к горе, ветерок резв, долина еще спит. Хорошо снять сандалии и идти по холодной траве босиком, а сандалии нести в руке. В другой руке – посох, котомка за плечами. И раз уж ты снял сандалии, нечего оглядываться.

Итак, мой выбор сделан. Вперед! Нужно смело шагнуть в мир побед и потерь, в мир мужчины. Мои мысли все еще дома, но взгляд устремлен на юг. Я спрашиваю себя еще раз, нужна ли мне встреча с этим горластым глашатаем, молва о котором кочует из дома в дом, словно весть о песчаной буре. Разве я не уверен в себе? Я не хочу быть застигнутым врасплох его вопросами и все это время думаю, как он встретит меня. Признает ли? Разве я не уверен в себе? Зря я закутался в плащ. От быстрой ходьбы становится жарко, хотя и идешь босиком. Когда невзначай наступаешь на какой-то сучок или острый камушек – приседаешь от боли. Но сандалии не надеваешь. И не выходишь на тропинку. Вообще никакие неудобства меня

уже не раздражают. Я рад всему, что происходит вокруг. Единственное, к чему я время от времени мысленно возвращаюсь и что тревожит мне душу – глаза матери. Я всегда замечал в них затаенную тихую грусть, а вчера они были черны от печали. В моей жизни это был самый длинный день.

Глава 11 ГОЛОС ПУСТЫНИ

Представление, что я, возможно, первый человек на земле, кому такое откровение могло прийти в голову, меня не потрясает, а мои попытки рассказать об этом даже самым близким людям успеха не имеют. Даже Рия, которой всегда достаточно было одного взгляда, чтобы меня понять, не проявила к моему рассказу никакого интереса. Поэтому теперь я предпочитаю размышлять в одиночестве, сидя в тени какой-нибудь смоковницы.

То, что я узнал об этом горластом дикаре, сначала восхитило меня. Подолгу живя в пустыне, закутавшись в верблюжьи шкуры, питаюсь саранчой с диким медом и делаю долгие ночи с диким зверьем, он, конечно же, распалил мое любопытство. Были минуты, когда я завидовал ему: он обскакал меня! И теперь мне придется плестись в хвосте. Множество людей потянулось к нему в надежде изменить свою жизнь. Что привлекло их в его звонких речах? Какое-то время я выжидал: что же произойдет? Мое навязчивое желание докопаться до сути не давало мне покоя. И вот однажды утром, проснувшись и осмотревшись вокруг, я увидел, что мир ни на йоту не изменился. А люди все идут к нему и идут. Я всегда знал, что время бесценно и у меня больше не было сил валяться под деревом.

Когда поднимаешься на вершину холма и окинешь взглядом перед собой пространство, кажется, что плывешь по бескрайнему, слепящему глаза, палевому морю, громадные волны которого внезапно окаменели. Вот здесь, на этой крепкой земле я и заложу фундамент под свою пирамиду жизни.

До священного брода не более двух дней пути. Можно идти быстрым шагом, споро преодолевая подъемы и спуски, и тогда время сокращается вдвое. Места эти хожены, хорошо знакомы. И хотя я терзаюсь жаждой встречи, спешить мне незачем. Дорога, пролегающая по чудной долине мимо стен Скифополиса и следующая затем вдоль Самарских и Иудейских гор, кишит людьми, поэтому я иду придорожными тропками, не спеша, любуясь суровой красотой этого края. Вблизи, когда стоишь, отдыхая у подножья горы, конечно, ничего, кроме пугающих своим оскалом серых скал, не видно. Вокруг только зубцы и крутые откосы, и огромные валуны, причем кое-где нависающие над тропинкой – боишься проходить. Удивительно, за что это они зацепились и как до сих пор не рухнули кому-нибудь на голову? В минуты страха выручает проворство ног и сноровка: юркнуть ящерицей среди камней. Ни о чем другом, как чтобы поскорей прошмыгнуть это опасное место, не думаешь. Зато потом, поднявшись повыше, снова переполняешься прекрасным. Как соты медом. И думаешь о своем. Порой, когда отвлекаешься от мыслей, остановишься и осмотришься, взору открываются то пустынные длинные бурые склоны, то ниточка сизых далеких вершин, то где-то внизу клочок зелени, как капелька бирюзы, а однажды я наблюдал зеркальные блики льющихся синих волос – крохотного водопада в сиянии красок радуги, которой не видел с детства. Или не замечал?

При таком наплыве паломников вряд ли он найдет время для беседы со мной. Плеснув воды из бурдюка на ладонь, я умываю лицо и полощу рот. Есть не хочется. Хочется скорее отправиться в путь. Настроение у меня прекрасное. Я думаю: что, если он и вправду обскакал меня? Люди идут к нему со всей округи, идут сквозь пески по каменистым тропкам, чтобы, окунувшись в воды реки, смыть свои грехи. И я несу свои грешки в котомке – скудном узелке за плечами, который не тяготит своим весом. Но не для искупления грехов отправился я в столь дальний путь. Меня снедает любопытство: правда ли все, что о нем говорят? Если правда, то ему придется чуточку потесниться. Тут уж я постараюсь.

Ходить в одиночестве я люблю. Чувствуешь себя свободным и дерзким, готовым свершить что-то важное, особенное. Никто не спрашивает, почему я иду босиком, никому нет дела до моего обнаженного торса, думается легко. А что, думаю я, если он меня не заметит среди множества паломников, не признает во мне того, ради которого взвалил на себя тяготы отшельничества? Говорят, что он с детства дал обет воздержания, а последние полгода вообще не появляется в городе. Говорят, что пустыня полна звуками его голоса, а пустые дороги вновь за клубились пылью от множества людей, ринувшихся к нему в поисках справедливости. Голос пустыни пробудил в них надежду.

Глава 12

СПАЗМА ПАМЯТИ

Никому еще не удавалось укротить наплыв воспоминаний. Они то и дело возвращают меня в прошлое.

– Ри, – произношу я, – ты задержалась и...

На это замечание она, женщина-порох, только улыбается. Ее глаза – светоносный колодец.

Чтобы не впасть в ревность, я выбиваю резец рубанка и правлю его на оселке. Я люблю ее, и мне еще никогда не удавалось скрыть от нее приступ ревности. Ей это нравится. Ее прошлое, о котором я знаю все до мельчайших подробностей, меня не интересует. Мы никогда о нем не говорим. Можно, конечно, притвориться и уговорить себя, что какие-то там патриции или полководцы, кому она дарила свою любовь, не стоят подметок моих сандалий, но забыть это невозможно... Простить – да! Мое всепрощение не имеет границ. Но наша память устроена так, что чем больше ты стараешься что-то из нее вычеркнуть, тем больше это что-то запоминается.

– Ри, – говорю я, – давай ужинать.

Теперь мои пальцы купаются в ее волосах.

– Ешь, я сыта.

Сейчас требуется сдержать себя от любых вопросов и выразить лишь сожаление о том, что ужин снова придется разогревать. Можно, правда, проявить заботу о ее самочувствии:

– Как твой голеностоп?

Вчера, резвясь на лужайке, она оступилась. Я был готов нести ее на руках.

– Спасибо, – говорит она, – все в порядке.

Я ношу ее на руках, и это нам нравится.

Вскоре она рассказывает о том, как неделю назад посетила друзей.

– Что у тебя, собственно, с этим?..

Молчание. Тот, о ком мы говорим, не может быть моим соперником. Наверное, не может.

– Ри, – произношу я, – ты не можешь себе представить...

Мне нужно взять себя в руки.

– Я в отчаянии...

Она не верит: отчаяние еще ни разу не заставало меня врасплох.

– Я в отчаянии, – повторяю я, – ты слышишь?

Молчание.

– Я думаю, – говорю я, – что ему нужно воздержаться от посещений нашего дома. Твои званые вечера...

– О чем ты говоришь?

Я спрашиваю, помнит ли она свое обещание относительно той истории с розами, которые так и не расцвели в том розарии. Каком обещании? Она уже забыла ту историю. Ей подавай новую. Рия в восторге не только от того, что ей удалось меня раскусить (хотя я так не считаю!), но и от ломтика жареной рыбы, на котором еще пузырится масло. Ей вообще нравится, когда я хозяйничаю у огня.

– Я давно хочу тебе сказать...

– Уйду. Будешь донимать – уйду...

На мой взгляд, это не очень удачная шутка. Но меня ничуть не волнует ее угроза. Я просто слишком счастлив в эту минуту. Счастлив ее дыханием, ее запахами, огнем в камине, терпковатым вином и вкусным ужином...

– Слушай, – говорит Рия затем, – давай еще выпьем вина.

Этим предложением она открывает счет: один – ноль в ее пользу.

Бывает, что Рия показывает характер. Ни с того, ни с сего у нее вдруг портится настроение.

– Ри, – произношу я, – ты и представить себе не можешь, каких мучений мне стоит твое упрямство и все эти твои штучки с...

– Принеси мне, пожалуйста, масло.

Пожалуйста.

– Ты ведь знаешь, что я не могу упорядочить свои мысли, когда голова забита...

– И воду нагрей.

– Хорошо, но...

Наступает молчание, которое сопровождается лишь потрескиванием разгорающихся в очаге сухих веток. Минуту-другую я выжидаю, затем снова принимаюсь за свое.

– Слушай, – говорю я, – ты сегодня прекрасно выглядишь...

И дарю ей комплимент насчет ее новой накидки.

– Она у тебя, как дыхание ночи...

И несую всякую приятную чушь вперемешку с поцелуями, которыми покрываю ее лицо, шею...

– И эти бусы из мелкой каменной крошки совсем не синие, а бирюзово-голубые, как твои глаза под водой в солнечный день – немыслимая лазурь...

– Это не мой цвет.

– Какой же твой?

Она поднимает веки и какое-то время смотрит на меня, как сквозь воду. Затем произносит:

– Какой ты смешной. Налей-ка мне лучше воды.

Я наливаю.

Она всегда наблюдает за мной, когда я выполняю какой-нибудь из ее капризов, и у меня просто все валится из рук, и все дела мои идут из рук вон как плохо. И то у меня не получается, и это...

– Будешь злиться – уйду.

Но я и не думаю злиться!

Моя ей ноги и затем умащивая их миром, я умираю от наслаждения. Эти пальчики и лодыжки, эти голени и колени...

Рия улыбается.

– Ты у меня замечательный, – хвалит она, – если хочешь – все можешь.

Она произносит это так, словно радуется своим словам. А у меня от ее похвалы вырастают крылья.

– Ладно, – говорит она, – спасибо.

А у меня развивается приступ нетерпения.

– Риечка...

– Ну-ну-ну...

– Но я же, ну как же, ну вот же, смотри, я просто лопаюсь...

– Не спорь со мной!

Ах, значит, так!?

Проходит неделя. Все эти дни я мечтаю, исхитряясь и заглядывая в глаза, подкрасться к Рие, приблизиться к ней хоть на шаг, чтобы добиться ее расположения. Ни-ни. И тут насту-

пает момент, когда любая мечта разбивается вдребезги, как только я вижу Рию, стоящую на камне, озаренную ранними лучами утреннего солнца. Обе руки закинута за голову, левая нога согнута в колене. Глаза закрыты. Она раньше меня доплыла до камня, и уже встречает солнце, стоя в своей излюбленной позе. Какое-то время Рия будет набираться энергии солнца, подняв руки и подставив ладони навстречу лучам, затем прыгнет в воду. Я жду с закрытыми глазами и, как только слышу всплеск, тоже ныряю. Забираюсь поглубже, где давление воды повыше и, как заправский ныряльщик, делаю два-три резких гребка руками, складываю их вдоль бедер и с открытыми глазами мчусь сквозь быструю воду что есть сил к Рие, вижу ее мерцающее в подводных бликах сильное смелое тело, его стремительные извивы, выпрямленные водой быстрые волосы... Ее движения точны и прекрасны. Когда она обнаруживает меня в воде, ее глаза смеются, она тянет ко мне руки, она знает, что я не могу удержаться от того, чтобы не прикоснуться к этой упругой бронзовой коже, и вот наши тела уже сплетаются в единый клубок...

– Ты спишь?..

И глаза приходится открывать.

Глава 13

ОЗАРЕНИЕ

Что же, по сути, происходит? Один человек, занятый, главным образом, тем, что более не в состоянии сдерживать себя, чтобы не вмешиваться в существующий порядок вещей, решает раз и навсегда: человечество достойно лучшей участи. Он вдруг осознает, что страшный гнет тирании, кровавого диктаторского режима может быть навсегда сокрушен. Это понимание приходит к нему не сразу, а после длительных мучительных раздумий, которые терзали его ум более двух десятков лет. Его обуревали сомнения: с какой стати именно ты? Когда-то он задавался подобным вопросом и, не находя ответа, мучился, примеряя роли поводырей человечества. Теперь он нашел себе роль. Теперь он твердо уверен, что роли никакой нет, что то, чем он занят каждое мгновение жизни, уже не игра роли, а сама роль. Ее блистательное воплощение в здоровом красивом стройном теле с кудрявой головой на плечах, с прекрасными мыслями о счастье.

Однажды приходит озарение: только он и никто другой способен водворить в человечестве среди царства грубой силы и зла настоящее убежище для души каждого человека. Ему давно следовало бы написать свои пролегомены. Он не пишет. Всякая попытка изложить свои мысли на бумаге вызывает у него улыбку. Ведь в мире так мало слов, способных выразить всю гамму чувств, которые приходят как наваждение, перехватывая дыхание и останавливая стук сердца, так много толкований этих слов, что познать истину, втиснутую в царапины пера не удавалось еще никому. С каждым словом, выведенным тщательным почерком книжника, в могилу вечности ложится частичка истины. И никакие самые толстые книги не способны вместить всей истины.

Проходят месяцы.

Почему же до сих пор он не делал попыток оповестить мир о своих намерениях? Скромность? Да нет. Пока его сдерживает неуверенность. Она будет преследовать его до последнего вдоха. И стоит ему только подумать, не пора ли остановить часы истории, как тут же кто-то дергает его за рукав: пилу-то оставь. Он не может: а как же заказ?!

Проходят годы.

В том-то и штука, что рукоять пилы еще ощущает тепло его ладони, хотя он и получает признание среди соплеменников как оратор, что ему, конечно, слышать лестно. Его поздравляют с таким успехом (еще бы!), но он-то знает себе цену. Можно, конечно, притвориться плотником или рыбаком. И отказаться от роли. Но кто заменит? Он задумывается, кто из его окружения мог бы взять на себя эту роль. Некому. Значит, нужно самому впрягаться в телегу перемен. В силу выбранной для себя роли, ему приходится принимать всерьез опыт своих предшественников, не один раз делавших попытки изменить мир. Ему нельзя ошибаться. Он подчиняется обычаю и, избрав для себя полное одиночество, сорок дней проводит в скалистой местности на берегу моря, в котором уже много лет не удается обнаружить какой-нибудь видимой жизни. Может быть, это единственное на земле мертвое море и послано ему Богом для испытания силы духа. Мертвая вода, дикие звери, вой ветра в скалах... Этого мало – в течение сорока дней он соблюдает строжайший пост. Рия ему только снится. Это ли не испытание для мужчины? Тут есть где разгуляться сатанинским силам. И он принимает решение. Земным страстям он предпочитает пустыню. Нет-нет, он не впал в тоску и отчаяние и не решил уморить себя голодом, он решил открыть самому себе собственное предназначение.

Глава 14

ПЫТКА ИСКУШЕНИЯМИ

Багряный горизонт слепит глаза, в огненном небе еще парят орлы, но песок уже вздымается пылающими спиралями. Он принял решение и не отступится: сбежав от мира, он с головой окунается в бурю, как в праздник. И понимает – выбора нет. Искушения, которым он подвергается, бесконечны и изнурительны, а спрятаться некуда. Но он и не поддается соблазнам, не ищет путей отступления, и усердно, до мушек в глазах, до обморока, служит цели, которую поставил перед собой. Он даже пытается искать радость в самопознании и находит ее. На пятый или шестой день поста он обнаруживает, что боли в желудке, преследовавшие его последние месяцы, вдруг исчезли. Он стал лучше видеть в темноте, у него обострился слух, в шепоте редких травинки, выбившихся из расщелины в камне, он слышит мелодию жизни. Он пока еще не может объяснить для себя, что это значит, но такой музыки он никогда не слышал. Правда, на десятый или двенадцатый день у него появляются галлюцинации, которые длятся по нескольку часов. Он впервые в жизни сталкивается с подобными видениями, которые доставляют ему доселе неведомые наслаждения. Что-то подобное он испытывал, когда нюхал какую-то заморскую травку, но то было умопомрачение. Здесь же голова яснее, как в тихую погоду небо над морем, и глазам открывается новый мир. Сколько раз он побывал в обмороке, он потом вспомнить не сможет. Это не спектакль (он не актер), это непомерно тяжелая работа.

Трудно было пережить тринадцатый или пятнадцатый день поста, когда поднялась пыльная буря. Нечем было дышать, некуда было спрятаться, а рот был просто забит песком. И нечем прополоскать. Песок скрипит на зубах, лезет в глаза, сдирает кожу. То и дело приходится сплевывать, а не хватает слюны. И воды нет. Глаза тоже невозможно открыть; кажется, что попал в вечную ночь. Можно было бы спуститься к морю и хотя бы глаза промыть, но эта вода, говорят, разъедает кожу. А другой, как сказано, нет. Ни глотка, ни капельки. В ушах стоит только вой ветра. Иногда ему слышится голос Рии, ее смех. Даже головной платок не защищает. Песок сыплется отовсюду, льется, как ливень, и есть риск оказаться погребенным заживо. Приходится то и дело вставать и отряхиваться. О том, чтобы сделать глоточек чистой пресной ключевой воды, умыться лицо или искупаться – и думать не приходится. Ему грезится и рыжий пес, Рия в розовом, в нежно-розовом, ее губы, смех...

– Принеси мне воды, – просит он, – пожалуйста.

И Рия приносит. В решете. Почему в решете? Этот вопрос его тревожит больше, чем то, что он видит Рию.

Дня через два или три буря стихает. Как раз к ночи. Наверное, он все-таки уснул, а может быть, потерял сознание, потому что, когда очнулся, – светили звезды, яркие, как апельсины. Какая это была ночь от начала поста, он не знает, но по лику луны определяет, что сороковой день еще не настал. Сороковой день наступит, когда луна станет круглой, как желток, а сейчас она тонким серпом режет черную ткань неба, значит, еще есть время для размышлений над судьбами мира. Но сперва нужно привести себя в порядок. Как только стихает ветер, тут же появляются его старые знакомые – гиены или шакалы, или еще какое-то там зверье, которое все это время, пока клубилась пыль, тоже постилось и сейчас не против полакомиться чем-нибудь. Огня у него нет, поэтому отогнать их факелом невозможно. Приходится лезть на скалы и ждать до утра. Нужно спастись. Они ведь не знают, что он решил перевернуть мир и, чего доброго, могут ухватить за лодыжку. Было бы глупо в самом начале пути стать лакомым кусочком для какой-то своры шакалов. Наутро он приводит себя в порядок, чистит одежды, собирает росу, капельку к капельке, и к восходу солнца делает

несколько глотков. Влаги хватает и на то, чтобы протереть лицо. С вымытым свежим лицом, с ясными глазами и сияющей улыбкой он любуется первым камнем в фундаменте своей пирамиды. Браво, ах, браво!.. Наконец-то и эта высота покорилась! Слава тебе, Господи!

И снова ожидание... Чего, собственно? Ему не с кем перекинуться словом, поэтому он говорит сам с собой. Прислушивается: нравится ли ему его голос? Нравится. Он доволен и тембром, и уверенностью, с которой произносятся слова, и самими словами, которые наполняет только одному ему понятным смыслом. Пока только ему.

Он надеется, что их смысл когда-нибудь будет прочитан человечеством. Пусть толкуют его, кто как хочет. Пока не уразумеют. Должно же человечество совершенствоваться. Принеси ему все на тарелочке, – сразу не признает. Ни одна новая идея не признается сразу. Нужны годы, может быть, века, пока разум человека не осознает свое назначение во Вселенной. Отсюда – его тихое, бережное терпение. Ему уже нравится жить отшельником, вне зависимости от еды, от тепла и уюта, от притязаний плоти. Рия? Он, конечно, помнит ее. Помнит? Он просто жить без нее не может, поэтому-то и забрался в эту глушь, чтобы любить еще крепче. Он знает: ничто так не упрочивает любовь, как разлука. Он каждый день представляет себе встречу с Рией! И чем ярче воображение рисует картину этой встречи, тем настойчивее сатана: «Отрекись от своей дурацкой идеи, – и перед тобой откроются все земные радости. В твоих жилах течет царская кровь и весь мир по праву будет принадлежать тебе. У твоих ног будет...» Демон. Бес! В такие отчаянные минуты сатанинской осады, когда дух и плоть, как гиены разбегаются врозь и воют поодиночке, ничего другого не остается, как послать искусителя к черту. А самому вжаться всем своим крепким телом в глубь раковины, которую он давно для себя изваял из крепчайшего гранита оков и запретов. И до поры, до времени – ждать.

Глава 15

НЕ МИР ПРИШЕЛ Я ПРИНЕСТИ...

– Ри, – орет он, врываясь в дом так стремительно, словно там полыхает пожар, – Рия, здравствуй!

После сорока дней поста и искушений сатаны он не может себе представить, на кого он похож. Но сил у него достаточно, чтобы взять Рию на руки и целуя, целуя, целуя до слез донести до постели.

– Господи, какой ты лохматый!

– Ты уж извини, – шепчет он, дрожа от нетерпения, – ты уж извини...

Какие-то тесемки или застежки платья, прячущие от него его Рию, он просто отрывает с мясом, и готов и платье разорвать на кусочки, если оно хоть на секунду будет препятствовать его желанию.

– Ты уж извини...

Потом он рассказывает. Он считает, говорит он, что откладывать дальше некуда! Да, некуда!.. Что ареной своих вожделенных свершений он избрал человечество. Он наставит сетей и силков, нароет ям и, играя на флейте несвершенных желаний, заманит заблудшие души, каждой обещая пряник вечности. Моя пирамида, говорит он, мой Храм вечной жизни. Ему кажется, что вот-вот он дотронется до неба, схватит его рукой. Рия не все понимает из сказанного, у нее множество вопросов:

– Как ты себе это представляешь? Ведь они ходят в лохмотьях и по телу их ползают вши!

– А на руках у них золотые запястья.

– Но их дух порос жиром...

– Ошибаешься. Они больше хотят созерцать звезды, чем есть.

Рия какое-то время молчит, затем спрашивает:

– И что ты теперь собираешься делать?

Жаль, что нет зеркала и она не может видеть себя такой...

– Какой?

Какой?! Бесконечно красивой! Этой красоты хватит, чтобы погасить солнце!

И ему кажется, что Рие уже не выбраться из его западни прекрасных блаженств. Красота – это знак, который никогда не обманывает.

– Ты меня понимаешь?

Рия кивает.

– Не мир пришел я принести, но меч.

Рия кивает.

– Тебе нужно отдохнуть, – говорит она.

Кружка выскользывает из его руки, как только что пойманная рыба. Когда она смотрит на него, у него все валится из рук. Он не замечает.

– Человечество, говорит он, собирая осколки разбитой кружки, это как раз те подмошки, где он может воплотить свои замыслы. Ты меня понимаешь?

Рия только улыбается.

– Не порежься своим мечом, – говорит она.

Так уходят в песок все его доводы против этого мира. И он умолкает. Он делает выбор. Как уже сказано: он – не Христос, но Иисус.

Глава 16 НА ЗОВ ПУСТЫНИ

Спускаться с горы не легче, чем карабкаться на нее. Темные кустики травы, разбросанные по склону, кажутся клочьями шерсти. Иногда из-под ноги шмыгнет ящерица. Я то и дело спрашиваю себя: как можно питаться одной только саранчой? Как ее вообще можно есть? Правда, дикий сотовый мед – это непревзойденный источник здоровой жизни. Тут ничего не скажешь. Ему, как и мне, тоже под тридцать. А я знаю, что он еще и какой-то мой родственник. Теперь можно присесть, сделать два-три глотка воды, хотя не такая уж жара, чтобы пот градом катил по спине. Спасает ветерок, который заметно усилился, но не пугает. Песчаной бури не будет, я это знаю. Куда ни кинь взгляд – ни единого деревца, кустики чертополоха, кусты терновника, беспорядочно разбросанные по склонам белые камни... Что до его популярности, то о нем только и говорят. У него уже успели появиться завистники и даже враги. Чудак-человек, белая ворона! Ему, без сомнения, приходится труднее, чем остальным. Говорят, что этот пустынный звонарь сшит из лоскутков горя, никого не чтит. По блеску его глаз я тут же узнаю, чем он дышит.

Когда идешь по безлюдной пустыне, совсем нагишом, в этом нет ничего предосудительного. Бредешь себе, насвистывая, наслаждаясь легкостью собственных ног и синью высокого неба. Хочется и сандалии и котомку со всеми моими пожитками зашвырнуть подальше. Желание поскорее добраться до заветного места вынуждает меня обедать на ходу. Правда, то, чем я набиваю время от времени рот, трудно назвать обедом. Зато вскоре то тут, то там я слышу голоса людей. Или мне это только кажется? Я набрасываю на себя хитон и надеваю сандалии. А спустя какое-то время, присоединяюсь к группе попутчиков, молча идущих под палящим солнцем. Бредут как овцы, думаю я, и примыкаю к ним. Никто не обращает на меня внимания. Иногда кто-то задаст вопрос в пустоту, который проглатывает предполуденная тишина, оставляя спрашивающего без ответа. Так, глядя себе под ноги, мы и идем до тех пор, пока не раздастся возглас:

– А вот и река!

Подойдя к обрывистому краю, теперь можно видеть всю прелесть реки, которая извиистой лентой петляет по темной низине. Окаймленная с обеих сторон густыми зелеными зарослями разлапистых деревьев, она бурно устремляется на юг по тенистому коридору. Множество козых троп, петляя и сплетаясь в сети, сбегает к воде, каменная крошка под ногами шуршит и подсмеивается над тобой: поспеши, поспеши... Нелегко удержаться на ногах. Только спустившись в долину, где река щедро поит прибрежную зелень, по-настоящему чувствуешь прохладу. Тропинка тянется теперь вдоль реки и, когда на пути встречается прибрежный валун, лежащий в воде, кто-то, не сдержавшись, прыгает на него с берега и, присев, умывает лицо. Хорошо бы пройтись на веслах, побеждая быстрое течение, думаю я, почувствовать силу рук, уже готовых ухватить вожжи святости. Хорошо бы...

Этот анахорет не дает мне покоя: что заставило его так обкрадывать себя, давать какие-то там обеты? Не возомнил ли он себя воскресшим Илиёй? Крестить народ ведь не каждый осмелится.

Вскоре отдельные голоса, раздававшиеся там и сям переходят в тихий гул, сливающийся с глухим рокотом реки. Так гудит растревоженный пчелиный рой, готовый уничтожить каждого, кто осмелится приблизиться к нему. Я приближаюсь. Иду дальше, решившись подойти поближе к святой святых этого роя. Становится тесно и приходится пускать в дело локти, протискиваясь вперед. Никто не возмущается, лишь искоса поглядывают с недовольством – я мешаю им слушать. Но на таком расстоянии вряд ли что услышишь. Полно,

конечно, и фарисеев, и саддукеев, я их узнаю. Еще бы! Им-то, лицемерам и нечестивцам, что нужно от этого оголтелого аскета? Неужто хотят исповедоваться? Народу видимо-невидимо, и искать среди этого вавилонского столпотворения своих соратников вряд ли имеет смысл.

Ну и жара!

Если спрятаться в тени деревьев, жара не так ощущается, но попробуй найти место в тени. Вот и приходится топтаться на солнцепёке. Ну, да это не беда. Я прислушиваюсь.

– Покайтесь, приготовьте путь...

Это первые слова, которые я от него слышу. Порыв ветра обрывает фразу, но я-то знаю, для кого следует приготовить путь.

Не взирая на косые взгляды, я протискиваюсь вперед еще на несколько шагов. Затем, повременив, еще. И еще. Теперь я слышу его зычный баритон. Глас вопиющего. Над-рывно-звонящий голос, иногда срывающийся на фальцет еще без сипотцы, но и без усталости провозглашает:

– ...а у кого две одежды, тот дай неимущему; и у кого есть пища, делай то же...

Этот сухой, желтый язык пустыни струится раскаленным песком по коже, по нервам, скрипит на зубах... Таким языком говорят пророки. Видимо, суровая затворническая жизнь дала повод людям сплетничать о фанатике, в которого вселился дух сатаны. Никому не ведомо, что он сам думает о своей миссии, но всякий может сказать, что каждое его слово дышит убеждением в том, что пришло время свершиться долгожданным надеждам целого народа. Конечно же, такое утверждение не могло не возбудить всеобщего внимания. Глас вопиющего пришел, как могущественный клич скорого освобождения. Когда пророк умолкает, слышится трель жаворонка. Я бы охотнее пошептался с Рией, скажем, о тайне звезд, чем дышать этим спертым воздухом ожидания счастья. Я-то знаю, как долг путь к нему. Но раз уж ты принял решение... Не в моих правилах отказываться от задуманного.

Влившись в многолюдный человеческий ручей, я попадаю в неторопливое его течение и, нежно ютясь в нем, ощупывая подошвами каждую пядь земли, как слепой, стекаю по склону. Можно закрыть глаза и только слушать.

– ...прямыми сделайте стези...

Ветер обрывает фразы, но мне не нужно слышать их окончания – я знаю. Я знаю все, что он скажет, и для меня не важны слова, в которые он облекает свои мысли. Я хочу видеть его лицо в тот момент, когда он посмотрит на меня. Я хочу видеть его глаза. Господи, а народу, народу-то сколько! История не знала такого столпотворения. Но не знала и такого стремления к добродетели. Кому-то не терпится двигаться быстрее и он наступает мне на пятки, а кулаками обрабатывает бока. Надо же! Отыскался в мареве пустыни какой-то обу-реваемый жаждой добра и истины глашатай святости, который, бичуя порок и предрассудки невежд, не щадя гордецов и лицемеров, царит над своей эпохой. Люди тянутся к нему, как к воде в полуденный зной. Теперь я ясно слышу его суровое красноречие:

– Порождения ехиднины! Кто внушил вам бежать от будущего гнева?!

Кого это он так чехвостит? Ах, фарисеев с саддукеями! Этих прохвостов, лопающихся от скептицизма и эпикурейской распушенности, пропитанных ядом лжеучений о святости и справедливости. Поделом им! Я бы тоже задал им трепки. И задам еще! Я устрою им выволочку! Я открываю глаза, но вижу только затылок впередиидушего поводыря, в левый бок которого с каждым движением тычется мой посох. Зато как теперь звучит голос пустыни:

– Он стоит среди вас... Я не достоин развязать ремешки...

Все что он говорит – чистая правда. Правда, от него и не требуется заниматься ремешками моих сандалий. Ничего не требуется. Пусть все идет своим чередом. Но ради этих вот его слов, ради этой самой длинной в моей жизни минуты я и жарюсь под этим палящим солнцем, связанный по рукам и ногам трепетом ожидания. Этой минуты я ждал всю свою жизнь. Если бы Рия...

– Я так люблю тебя, – слышу я ее голос, – не покладая рук, я старалась...
Родная моя, если бы ты могла меня понять...

Глава 17

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО

Брод в этом месте узок, река резко забирает в сторону, восточный берег крут и высок, абсолютно лыс и скалист, зато правый ровен и свеж, тенистая зелень ив зазывает утаиться от мира, затеряться в их плакучих кронах, тростник шелестит на ветру и живо волнуется, радуют глаза высокие тамаринды. Это маленький рай в пекле пустыни. Болтающаяся на груди котомка не бог весть какая тяжесть, и она меня совсем не раздражает. Я выбираюсь из толпы и, поднявшись на пригорок, присаживаюсь на камень. Хочу отдохнуть, приготовиться. Не шуточное ведь это дело – взять на себя чужие грехи. Сквозь шелестящую листву деревьев виднеются вдалеке горы. Прощуршала стайка испуганных воробьев. Кто их потревожил? Я подставляю лицо свежему январскому северному ветру и, закрыв глаза, прислушиваюсь. Тишина. Только глухой монотонный рокот реки. Вдруг мысль: вернуться? Она выглядит сонно и чуть-чуть хитровато. Она испытывает меня. Я все еще сижу в стороне от живого потока паломников с котомкой на груди и закрытыми глазами. Прислушавшись, можно легко разобрать слова глашатая. Голос ровен и тих. Иногда его можно принять за бормотание больного. Потом он снова становится зычным.

– Кто ты?

В привычной тишине вопрос звучит вызывающе. Я открываю глаза, но рядом никого нет. Я понимаю, что вопрос задан не мне.

– Я же сказал, – слышу я его голос, – я не мессия.

– Кто же?

– Глас вопиющего... Исправьте путь...

Как он спокоен и уверен в себе. Мне хочется заглянуть в его глаза.

– Что же ты крестишь, если ты не мессия, не пророк?

Теперь пауза. Видимо, на это он отвечал уже много раз и сейчас ему требуется мужество, чтобы не накинуться на спрашивающего с кулаками.

– Есть два крещения, – наконец произносит он, – водой и духом. Я крещу водой...

Я понимаю: вернуться невозможно. Проходит еще час, может быть, больше. Пора? Сумерки здесь наступают быстро. На земле уже лежат тени, тогда как деревья на том берегу еще освещены солнцем. Ветер стих. Я встаю, поднимаюсь на крутой берег, чтобы увидеть вдали выжженные солнцем горы с величественной головой Ермона на севере, увенчанной седой шапкой голубоватого снега. А на юге – густая синь близкого моря, очерченная каймой дальних гор. В нежнорозовом небе заката – бледный рог луны. Пряный аромат бальзама, смешанный с дразнящим запахом серы... Я стою, слушаю его речи и не предпринимаю никаких действий. Я еще ни разу не посмотрел в его сторону, заняв позицию простодушного слушателя. Я хотел бы описать этот день, только этот день, ничего другого. Прожив столько лет, я еще не написал ни строчки, хотя мне есть о чем рассказать. Например, о Рие. Я бы обманывал себя, если бы стал утверждать, что забыл ее. Я пронизан мыслями о ней, как заря светом. Кто из нас прав, кто виноват – разве есть ответы? Да и что такое вина? Все ее упреки я принимаю: она живет на этой земле и ей нужны земные радости. Что ей до моих потуг сделать человечество счастливее? Я знаю: мне ни за что не удалось бы ей объяснить, что привело меня через бурную скуку пустыни в эту дальнюю глушь. От того, что стоишь неподвижно, как пень, время не останавливается. Скоро начнет темнеть, и в сумерках я рискую не разглядеть его глаза. Поток людей по-прежнему не иссякает. Неумолимо они идут и идут, как овечки в стаде. Как он меня узнает? Тени удлиннились, ветра нет. Лишь несколько шагов

отделяет меня от праздника жизни. Не сделай я их – и все мои замыслы останутся на обочине истории. Тем не менее, я в неведении: что произойдет? Вдруг качнутся устои истории?

– И великий гнев придет на землю...

Слова его дышат пламенем. Это мощный поток раскаленной меди, чистой, слепящей, жгучей. Грозящей гибелью. Пока он священнодействует, стоя по пояс в воде, мы делаем несколько шажков. Стоит немного отклониться в сторону или даже наклонить голову, и его можно рассмотреть. Плеск воды теперь ласкает слух, я уже наслаждаюсь ее прибрежным тихим течением и вскоре готов закатать подол хитона. Я не знаю, нужно ли снимать сандалии. Маленькие буруны среди прибрежных камней режутся, как крошечные котятка.

– Покайтесь...

Я готов. Через какую-то сотню ударов сердца меня освежит льющийся из его рук, маленький дождик, который смывает дорожную пыль, а с нею и мое прошлое. Но в том-то и состоит великое таинство крещения, что эти святые сверкающие ручейки на волосах и одежде кающихся, пролившиеся из его ладоней, освежая тело, просветляют душу. Этот свет пронизывает каждую клеточку, проясняя взор и укрепляя ум. Об этом превращении идут пересуды. И нет человека, способного устоять перед соблазном такой перемены. Легкий толчок в спину и я оказываюсь в воде.

– Покайтесь...

Весь день вот так густо говоря, с очистительной мощью в голосе, он произносит свои бесстрашные, святые речи. Страстное преклонение перед жизнью, восторг ожидания перемен, упоение покаянием, вера в неизбежное мое пришествие. Даже к вечеру его голос еще звонок. Он отказывается от установленного порядка вещей и проповедует новый. Вода ласкает ноги. Сердась на себя, что попусту трачу время на сомнения, я уже сам подталкиваю стоящего передо мной грешника. Иди же! Солнечный закат таращится на меня во все глаза: сквозь трепетную листву деревьев я вижу золотые искры слепящих лучей, но от этого не слепну, а наполняюсь новой порцией мужества.

Глава 18

ИСПОЛНИМ ВСЮ ПРАВДУ

И вот наши взгляды встречаются, обрушиваются друг на друга, как мечи. Звона, правда, не слышно, только вода мирно плещется у наших ног. Мы, как каменные статуи, забытые кем-то в реке. Фиолетовый вечер тих, мир, кажется, вымер. Я вижу, как в нежной зелени его глаз забилась тревога. Лишь долю секунды длится схватка. Затем взгляд тускнеет, и куда девается его юная прыть, с которой он на меня набросился?! Вздрыбившиеся было космы увядают, и вместо сжатых до боли белых губ появляется черная зияющая дыра рта. Он поражен? Но чем? Ему следовало бы радоваться, что, наконец, дождался этой минуты. Затем я вижу, как глаза его снова обретают покой и даже щурятся в кроткой улыбке, излучая теперь ласку и смирение.

«Ты?» – спрашивают они беззвучно.

Кто же еще? Я не даю ему повода к сомнению.

«Я».

Это «я» лучится из моих глаз нежно-голубым сиянием: конечно я.

Вдруг свет! Он льется с неба, слепя и торжествуя, глазам больно, приходится прикрываться от него рукой, как от удара. Разрушив слепые сумерки, свет вырвал из мрака целый мир, множество людей, горы... И как яркая звезда в небе над головами – белый голубь, вестник любви. Звон мечей растревожил, видимо, вялый покой сумерек. Того и гляди застрекочут кузнечики, заблестит в небе жаворонок. Мир озарен светом разума, нужно только пропитать себя этим светом, наполниться его живительной влагой. Это – трудно, я знаю и уже замечаю, как чистые опустошенные души вчерашних грешников, измученные жаждой прозрения, шевельнулись в сторону источника веры и пьют его целебную влагу крохотными глоточками, жадно припав губами к роднику новой жизни. Я вижу слезы на их уставших от неверия, тусклых глазах: дождались-таки. Сейчас этим светом заполнен весь мир, и каждый взирает на него, как на чудо. Да, это чудо, и его можно видеть собственными глазами, вдыхать его свежесть полной грудью, его можно потрогать. Собственными руками. Оно пахнет свадьбой, и вкус вина его сладок. Оно – как фата невесты. Рия так мечтала об этой минуте. Мы все еще стоим по колено в воде, я вижу, как он, каменный, исполнившись мужества, старается взять себя в руки, которые ему не повинуются, но, дрожа, медленно погружаются в воду, точно хотят укротить ее бурный нрав. Сначала он оmyвает водой себе лицо, а затем, когда уверенность возвращается в эти руки, черпает ладонями воду, как свадебным кубком вино. И вот эта полная чаша медленно, чересчур медленно, чтобы не расплескать ни капельки, приближается к моему лицу. Так подносят свечу, чтобы кто-то задул ее. Сейчас же требуется не погасить свечу, а разжечь пожар вечного огня, который своим теплом и светом будет согревать и озарять души грешников на их пути к праведности. Он делает шаг навстречу и снова, застыв с протянутыми ко мне руками, преклонив голову, произносит:

– Мне надобно креститься от тебя, и ты ли приходишь ко мне...

Я чувствую священный трепет, охвативший всю его плоть, и спешу ему на помощь.

– Оставь, – произношу я, – ибо так мы исполним всю правду.

Его смиренный тревожный взгляд ищет поддержки в моих глазах.

– Оставь, – повторяю я.

Молчаливо ликует земля, приблизившись к Небу. А ведь это только начало. Жаль, нет рядом Ри. Мы бы...

Потихоньку свет меркнет, сгущается тьма, скоро ночь. Итак, начало положено, что дальше? Конечно, мне требуется быть уверенным, что этот знак торжества вечности над про-

звбающим мраком язычества и фарисейства расслышан глухими и подарил слепым свет. А вот и долгожданный рукотворный дождик! Я чувствую, как нежная прохлада реки, выплеснутая из трепетных ладоней пустытника, освежает мне лицо, проникая в каждую пору кожи, наполняя небесной негой каждый уголок моей плоти. Вот и все. Это – край и начало. Видишь, говорю я Рие, которая всегда ведь со мной, вот видишь... Я открываю глаза и осматриваюсь: свет угас, и снова сгустились сумерки, но в этом фиолетово-синем безмолвии я вижу роскошный ковер, сотканный из зеленовато-голубых лучистых теплых звезд. Это глаза соплеменников, моих соплеменников, освободившихся от греха. Господи, как сияют их лица! Я преисполнен гордости, и сердце просто выскакивает из груди. И вот мы уже слушаем шепот Вселенной:

– Сей есть Сын мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение.

Какие чистые сладостные звуки!

Только мгновение длится счастье и, о, Боже! – черный купол над нами разлетается в стороны. Ткань неба распорота, точно мечом. Это рвется завеса, прятанная меня от людей. Наконец-то! Я, конечно, благодарю Небо низким поклоном и готов развязать котомку, которую придется теперь набивать грехами людей. Господи, сколько же их тут?! Выдержит ли котомка? Но деваться некуда, поэтому я выхожу из воды и, не оглядываясь ухожу в ночь. Я вижу: теперь небо, как в далекие времена детства, россыпи золотых гвоздей, вбитых в черную твердь свода, я иду и насвистываю, за плечами легкая котомка, в руке посох, и я уже не ошупываю неуверенно свой путь босыми ногами, а иду твердым бойким шагом вперед. Перед тем, как встретить новый день, нужно хорошо выспаться. Надо было бы, оглянувшись, хотя бы махнуть ему рукой на прощание. Я не оглядываюсь.

Когда боль мира становится нестерпимой, и она сливается с собственной болью, когда твое сознание напитано Светом, а колос Духа налился и вызрел, решение приходит само собой. Да. Взять свой посох и тот его конец, что с каждым шагом клюет землю, обернуть сначала платком. Точно так, как бинтуют рану. Затем разодрать на тесемки хитон и этими лентами одна за другой, крепко их натягивая, бинтовать древко. Только одна треть посоха должна быть обмотана моими одеждами. Все они скользят вокруг древка, поэтому придется тянуть их покрепче, потуже бинтовать. Руки у меня крепкие, пальцы цепкие и уж я стараюсь, что надо. Холщовый пояс уже разодран на узкие прочные ленты. Вот они-то и нужны, чтобы закрепить ветошь на древке. Теперь она никуда не денется. Работа спорится: мой лоб покрыт бисером пота, а язык ощущает солоноватый привкус. Я всегда раскусываю губы до ран, когда дело спорится. Это привычка, и я этого не замечаю. Только работа пальцев меня восхищает. Я тороплюсь, ведь солнце не может ждать. Когда последняя лента обвита и крепко завязана, возникает вопрос: что делать с котомкой? Ну, прежде всего ее нужно освободить от содержимого. Бурдюк с водой, бурдючок с вином... Я отпиваю глоток воды, а к вину даже не притрагиваюсь. Вино – напиток вечерний.

В том-то и штука, что исполнить всю правду – дело не шуточное. Что за правда такая? Даже поджаристый блин луны, вылупив спелое око-желток, ожидает ответа. А ответ прост, как запах пустыни. Вот я и иду через ночь, уставший и счастливый, насвистывая, с царем в голове, по змеистой голубой дороге... Только бы не проспаться восход солнца. Первый луч новой эры, первый день. И начало нового мира. Теперь все зазвучит впервые: имена и названия предметов, вероломных эпох и приветливых эр...

Кончилась эра греха, кончилась! Это да, это верно. Вот-вот клюнет скорлупу жизни начало, а начало всегда трудно. Вот я и тужусь, тужусь. Может быть, сегодня, сейчас и начнется новая эра? Когда тебя посещают такие мысли, разве можно оглядываться назад?

Я и не оглядываюсь.

Глава 19

ТАКОЕ – НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

Такое не забывается:

– Я люблю тебя, слышишь, слышишь?.. Знаешь, как я тебя люблю!

– Как?

– Ну, знаешь...

– Как?

– Люблю так, что...

У нее перехватило дыхание.

– Что такое любовь, расскажи...

– Это... – произношу я, но она обрывает меня.

– Да-да-да... говори!

– Это...

– Да!!! Дадада...

– ... такой, знаешь, редкий дар...

– Точно! Дар!.. Говори, говори... Как сияют ее глаза!

– ...это редкое сочетание, да, созвучие!.. Такой, знаешь... союз, вечный праздник...

Это как бы пульс в пульс...

– Точно: праздник! И – пульс в пульс! Это... да?!

Я киваю: еще бы!

Ночь на море вдвоем... Сдержанный блеск ее очарования... Это – совершенно. Такое не забывается...

Такое – не забывается! И, как все настоящее, не умирает.

Я люблюя люблюя люблю...

Мне казалось, что этот звук не умрет никогда... Я понимал, что вот такими редкими мгновениями и нужно наполнять свою жизнь, чтобы затем оставшиеся годы жить этими мгновениями.

Глава 20

МАЛИНОВЫЙ СЕРП НАДЕЖДЫ

Теперь бурдючки можно положить в мешок. Что там еще? Ножичек. Завернутая в тряпицу высохшая краюха хлеба, еще какие-то немудренные пожитки... Я запускаю руку в котомку по самый локоть и пальцами слепого, как щупальцами, шарю в глубине. А это что? Ах, свирель! Господи, как я мог забыть про нее! Я вынимаю ее из котомки и откладываю в сторону. Теперь-то она мне нужнее всего. Но прежде мне нужно закончить начатое. Когда все, что может гореть, привязано к посоху, когда завязана последняя тесемка, я поднимаюсь с колен, встаю в полный рост, привычно думая о своем, затягиваю пояс на бедрах... Но где же пояс? Его нигде нет. Приходится отвлечься от собственных мыслей и осмотреться: ни пояса, ни хитона, никаких одежд. Господи, Боже мой, с этими мессиями у Тебя всегда были проблемы. Какой пояс, какой хитон?! Все ведь изодрано в клочья и привязано к посоху. Только ножик, свирель и два бурдючка лежат на земле. В стороне сиротливо – пустая котомка. А вот и сандалии, стоят, как живые. Как ужасны пустые штиблеты! Что это – умопомрачение? Такого за мной еще не водилось. Я стою под деревом, шелестит листва, щебет птиц и в полнеба заря. Первые лучи – как корона. Это не сумасшествие – второе рождение. Ум мой ясен, глаз зорок, я пьян не вином, а будущим. Сначала я надеваю сандалии, высыпав из каждой по горсти песка. Затягиваю ремешки, стоя, оперевшись голой ягодицей о ствол смоковницы. Затем собираю в котомку скудные пожитки: два бурдючка, ножик, свирель... Я беру свирель нежно, как берут хрусталь, обеими руками и, зажав котомку между ног, прижимаю свирель к губам. Но не играю. Я только примеряю роль пастуха, да-да, пастыря, со свирелью в руках у беззвучных губ. Мне теперь незачем ором орать, зазывая отбившихся от стада овец, достаточно легкого дуновения. Сладкая музыка – вот мой кнут. Не ор и не окрик, только любовь. Никакого понукания.

И вдруг я хохочу. Я просто умираю со смеху, мне не хватает воздуха, у меня даже судороги в животе, а на глазах слезы. Я не могу с этим ничего поделать, смех душит меня, ну и потеха! Это не истерика, нет. Я просто вижу себя со стороны: голый, совсем голый, Адам в раю, между ног котомка, а у губ дудочка, из которой не сочится ни единого звука. Ну и картинка – курам на смех. Даже птицы притихли, пораженные увиденным: вот так да! Только утренний ветерок приветствует меня, шевеля волосы. Я понимаю, что настал долгожданный час: либо отступить, либо ринуться в путь. В этом для меня сейчас все! И если я уж приму решение – меня не остановит ничто. Наконец я успокаиваюсь. Беру котомку, кладу в нее свирель. Теперь очередь посоха. Я закидываю котомку за левое плечо, а правой рукой, присев, беру посох, прикладываю ладонь к рукояти и крепко обхватываю пальцами. Так берут меч, готовясь к победе. Но я беру не меч, а факел. Теперь я встаю, – Адам с котомкой за плечами, голый Адам, но в сандалиях, а в правой руке – факел, ждущий огня. Я делаю первый шаг навстречу солнцу и прошу у него огня. О том, сколько гореть этому факелу, я не думаю.

Когда мне бывает действительно трудно, я ухожу от людей, бегу, преследуя заходящий, катящийся в ночь малиновый круг, словно хочу настигнуть его и поведать о своих сомнениях и трудностях, но он вдруг касается горизонта и на моих глазах прячется от меня сначала чуть-чуть, затем все больше и больше, падая и падая вниз, как в пропасть, так, что глазом заметно, я бегу все быстрее и быстрее, и вот уже только половина светила видна и она уже начинает уменьшаться, и вот виден только яркий малиновый серп, который тут же на глазах превращается в пушечный выблеск, и мне нужно подпрыгивать, чтобы снова видеть истонченный серп, который после третьей или пятой подпрыжки снова выблискивает малиновым пятном, и сколько я потом не прыгаю, как только не ускоряю свой бег, как не тянусь к солнцу,

даже взобравшись на камень и встав на цыпочки, я понимаю, что мне никогда до него не дотянуться... Даже заберись я на самую высокую крышу или на дерево... Никогда. Пока светило само не вернется с рассветом ко мне. И все же я благодарен ему за то, что трудности мои остались далеко позади. Я с благодарностью закрываю глаза и беру в руки свирель.

Глава 21

РЕДКОЕ СОЧЕТАНИЕ

Если бы я через сотню лет принялся снова проповедовать свои истины, это не дало бы ничего нового. Даже сейчас мне не приходит в голову на этот счет никаких идей. То, о чем я так долго рассказывал, теперь нагоняет на меня скуку. Скажем, эта история с сокровищами на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут. Я и через две тысячи лет скажу всем: собирайте их не на земле, а на Небе. Я понимаю, что есть слова, над которыми время не властно. Поэтому и не позволяю себе никаких начинаний, иначе грозит опасность повториться.

Удивительно, что из всего сказанного я не записал ни единой строчки. Во всяком случае, никто не может похвастать тем, что знает мой почерк. Не помню, видела ли Рия когда-нибудь мои каракули. Ей иногда кажется, что я говорю так, будто бы обо всем все знаю.

– Слушай, у тебя есть имя?

– Малыш...

– Расскажи, расскажи еще про свое царство, – просит Рия.

Я рассказываю.

– Мое царство, – говорю я, – это такое... это редкое сочетание... средоточие света и всей музыки мира, и вместилище совершенства...

И рассказываю, и рассказываю... Я трачу музыку моих слов и не жалею трат. Я не сожалею и о том, что мои слова сначала увлажняют немыслимую лазурь ее глаз, а затем эта кристальная влага срывается с ее длинных ресниц нежной росой слез, я только радуюсь этим слезам... Капля за каплей, а с ними и сама Рия проникают в мое царство. И вот она уже в плену моего очарования.

– Я еще, я еще хочу! Чуда! Удиви, удиви меня, малыш...

Тебя словно внезапно выдергивают из сладкого сна.

– Иногда тебя невозможно понять.

– За это ты меня и любишь, – смеется она. – И ты, и ты утверждаешь, что там, – она кивает на небо, – нас ждут неземные радости?

– Конечно же! Ты только подумай...

– Там – ничего нет!

Рия, задумавшись, умолкает. Затем:

– Почему ты не спрашиваешь, где я была?

Я люблю ее, поэтому и не спрашиваю. Чтобы истребить ненужные подозрения, я отпускаю какую-нибудь шуточку, подавляя в себе всякое любопытство насчет ее позднего возвращения. Каждому, кто может видеть, ясно, что сейчас она очень счастлива. Это вижу и я. Особенно в те минуты, когда хочу рассказать ей о будущем, нашем будущем, которое перечеркивает нашу любовь. Такое будущее ее не совсем устраивает. Она делает вид, что злится. На фоне счастья это выглядит немножко смешно: я-то знаю, чего ей стоит не выставить напоказ свое счастье.

– Ты только представь себе, – продолжаю я, – только вообрази, что там...

– Да ты у нас еще и поэт!..

Да, я готов ухватить этот мир за вымя!

– Знаешь о чем я мечтаю? О том, как мы с тобой...

– Ты бы лучше...

Моя попытка рассказать Рие о своих планах на будущее терпит полный провал.

– Ты собираешься на мне жениться?

– Что ты имеешь в виду?

Рия молчит. Затем:

– Ты забыл погладить мне спинку.

Я глажу. Это одна из лучших минут в моей жизни.

Итак – никаких начинаний.

Глава 22

МУКИ РЕВНОСТИ

Иной раз, придя домой, я застаю Рию в обществе безбородого юнца, у которого слезятся глаза от того, что он длительное время, не мигая, смотрит на Рию. Я не могу назвать его красивым – он прелестен! У Рии всегда гости. Больше часа она не в состоянии находиться в одиночестве, поэтому окружена гостями, как сироп пчелами, жужжащими ей на ушко разные похвалы. Я давно заметил, что многие из них при одном только ее появлении теряют дар речи. Ее дар – притягивать мужчин.

Прежде чем войти в дом, я покашливаю, чтобы не испугать Рию и замашками собственника не стать посмешищем у этого пунцовощекого юнца.

Бывает, что мне необходимо неделю-другую заниматься делами вдали от дома. Все эти дни я скучаю без Рии и, покончив с делами, спешу домой, рассчитывая вернуться хотя бы к ночи. И когда ошибаюсь в расчетах, попадаю только под утро.

Итак, я покашливаю. Затем тихонечко зову Рию. Ответа нет. Слышен только крик осла из конюшни. Утро раннее и Рия, видимо, еще спит. Она всегда просыпается поздно и терпеть не может, когда кто-то нарушает ее сон. Осторожничая, я все-таки вхожу и нахожу их спящими. Разметавшиеся по постели молодые тела, уставшие, просто мертвецки обездвиженные, без каких-либо признаков жизни. Только прислушавшись, можно расслышать их молодое дыхание. Только присмотревшись, можно разглядеть, что они дышат. Чтобы не разбудить их, я тихонечко пробираюсь к окну и отодвигаю в стороны занавески: новый день на дворе, дорогие мои, не пора ли встречать рассвет? Ни-ни. Они даже не шевельнулись. И с чего бы вдруг? Даже солнце еще не взошло. Тогда я выхожу из дома и люблюсь восходом. Ведь в жизни нет ничего прекраснее, чем встречать рассвет наедине. Я люблю летние утра прохладно-сизые, солнце в дымке, вершины гор в розовом озарении, дальние домики кажутся кусочками сахара, беспорядочно разбросанными по склонам, зелень деревьев еще черная, а верхушки взялись бирюзой, царствующий над миром пронзительно сверкающий золотистый купол храма. Я бы любовался всем этим вечно, но пора обратиться к действительности: как там мои труженики? Прежде чем выскочить из дому, я уронил на пол глиняный горшок, чтобы он с грохотом разлетелся на части. А сам выскочил на улицу, надеясь, что кто-то ведь проснется от такого грохота. Любуясь рассветом, я думал о тех странах, откуда приходит солнце и старался, чтобы мысли о блаженстве тел, найденных в моей спальне, не помрачили мой разум. Я снова переступаю порог и натываюсь на молодого человека, едва одетого и уже готового уйти от ответа. Нет уж, дружок! Я хочу видеть твои глаза, слышать твой голос. Я хочу знать хоть одно из тех достоинств, черточку, штрих, которых Рие во мне так недостает. Насколько он красив, я не могу судить, поскольку физические признаки совершенства мужчин меня не интересуют. Неприязни, между тем, он не вызывает. Мне приятно, что он уже одет, хотя и стоит передо мною босиком и без платка на голове. И даже без бороды, молодая поросль на верхней толстой чувственной губе едва пробилась легким пушком, кудри длинные – до плеч. Я спрашиваю, не хотел бы он чего-нибудь выпить. Он, видимо, немного смущен и не находит, что ответить. Ладно. В руках у него платок, а куда подевались сандалии, он не помнит, ищет их глазами. Я спрашиваю его, кем для меня является Рия, на что он только пожимает плечами. В глазах – насмешка. Это для него не имеет значения. Он и в самом деле немного смущен, а то бы давно запахнул свой халат. Так что все-таки будем делать? Стоять, изучая друг друга глазами – это ли достойное занятие для мужчин? Видимо, он готов уйти босиком.

Рия совершенно не выносит шума, когда спит, даже шепота. Наши голоса ее насторожили. Летая во сне (ей это часто снится), она поворачивается на другой бок и сладко потягивается. Господи, как же она прекрасна! Я беру ее за плечо: пора опуститься на землю, дорогая моя. Ей трудно вырваться из плена Морфея. Это было бы подвигом.

– Ришечка...

Я наклоняюсь и шепчу ей это на ушко: «Ришечка...» Она не открывает глаза, а только руками, словно в темноте, ищет меня на ощупь в постели, рядом, и не находит. Поскольку постель успела остыть, а шепот слышен у самого ушка, она в замешательстве: как такое может быть? И, если такие вопросы возникают в ее головке, она не может не открыть свои глаза: что-то случилось?

Ничего. Все в порядке.

– Здравствуй, – произношу я, – это я.

Она верит. Разве может быть кто-то другой? Она улыбается, тянет ко мне руки, обвивая шею, словно лоза молодого винограда и снова закрывает глаза.

– Почему ты не будишь меня?

Разве можно разбудить мертвого?

Господи, как же она прелестна!

Затем я чувствую, как лоза увядает на моей шее, сползает с нее и, кажется, слышу, как хлопают распахнувшись, точно парус на ветру ее веки и глаза наполняются испугом: надо же... Ты?! Крик, возникший в ее глазах, теперь вырывается из горла: ты?! А кто же, по-твоему, должен быть на моем месте? Вина пропитала воздух спальни так, что даже Рыжик, наш пес, поджав хвост и забившись в угол, смотрит на меня виноватыми глазами. Только теперь я чувствую, что стою на сандалиях молодого человека.

– Вы уж простите, – произношу я, – и пинаю каждую из них ногой. Так, что они летят в разные стороны.

Рия смотрит на меня огромными удивленными глазами, но я не вижу ее. Только делаю вид, что не вижу.

– Вы уж простите, – повторяю я и, кроша осколки глиняного горшка, выхожу на улицу. И, поскольку солнце уже взошло, иду на свою любимую гору, где я всегда бываю по утрам, иду, чтобы к вечеру снова вернуться к Рие.

А что толку бить горшки и орать что есть мочи? Кто орет, того ведь совсем не слышно. К тому же есть дела поважнее.

– Господи, – прошу я, – прости мне мою слабость.

Весь день я хожу в окрестностях города, любуюсь их сказочной красотой и думая о своем. Заставляю себя преодолевать крутые подъемы, чтобы унять тревогу в сердце. Делаю, конечно, передышки, чтобы вытереть пот со лба. К вечеру бешено устаю, думая о своем, и возвращаюсь домой до захода солнца. Голодный, совсем выбившийся из сил и счастливый.

– Ри, – произношу я, переступая порог, – ты опять читаешь эти книжки.

И преподношу ей охапку полевых цветов.

– Ах!

От запаха лаванды она сходит с ума.

– Это мне?!

Как сияют ее глаза!

– Где ты пропадал, ужинать будем?

– Я голоден, как гиена.

– Куда же ты исчез на весь день?

Этот вопрос не в стиле наших отношений, поэтому я на него не отвечаю, я спрашиваю:

– Чему ты улыбаешься?

Вместо ответа в уголках ее дивных глаз вызревают крохотные озерца слез.

– Слушай, – говорит она, не стыдясь своих слез и бросаясь мне на шею, – за что ты меня так любишь?

Я только крепче сжимаю любимые милые плечи, ловлю губами россыпи нежного шелка душистых волос и молчу. Я не объясняю, что любить за что-то там невозможно. Или – да, или...

– С таким характером ты попадешь в историю.

Рия права: попаду. Да, у меня достаточно крепкие нервы, чтобы жить в этом мире. Но неужели такой уж несносный характер? Да, я упрям и настойчив. Я просто привык любое дело доводить до конца. Какое дело? И неужели мир уж настолько плох, чтобы жертвовать ради его удовольствия собственной жизнью?

– Слушай, – ору я, стрелой влетая в спальню и падая перед Рией на колени, – мне удалось, у меня получилось!..

В ее дивных глазах бьется испуг:

– Удалось?..

– Да, я флейту...

– Ты флейту...

– Да-да, флейту...

Она вот-вот заплачет.

– А который час?..

– Слушай, слушай...

– А ты знаешь, который час?..

– Да, светает...

– Ты сдурел?!

– Ты послушай!..

– Ты сдурел!

– Нет! Я флейту осилил! Ты только послушай...

Рия не слушает, она плачет. А мне сейчас так нужен слушатель.

Глава 23 СВАДЬБА

Наконец, свадьба.

Это трудно и требует напряжения. К Рие невозможно пробиться. От нее невозможно отвести глаза. Длинностебельные розы в высоких вазах, в длиношеих амфорах вина, вина, в широкогорлых кувшинах ключевая вода... Гости, гости...

Я – жених.

Я стою и, счастливый, скучаю. Не царское это дело – свадьба...

Рия в свадебном платье кажется ангелом. Легкий, как птичий пух, белый шелк, кружева, оборочки... Воздух пропитан ароматом счастья. Свадьба с размахом, тосты, смех. Я не только жених, я – и царь и, поскольку я царь, то и свадьба царская. В саду танцы, женщины в нарядных платьях, много детей, которые носятся, как угорелые из конца в конец, визжа и радуясь...

Я стою и, счастливый, скучаю.

На столах свечи, столы завалены праздничными яствами. Сладости, фрукты... Чего тут только нет! Заливные языки, жареные почки... Чего тут только нет!.. На стенах – факелы, которые горят днем и ночью, и днем, и потом снова ночью... Ножи сверкают, как летающие рыбки на солнце. Весь мир ест. У всех свечей не хватает света, чтобы высветить счастье нашей свадьбы. Рыжик тоже рад: хвост трубой, звонкий лай.

Я только что вручил Рие подарок – свадебный жемчуг, белую нитку нежных бусинок, которая теперь украшает ее точеную шею. Я не знаю, о чем говорить, только улыбаюсь. Я люблю Рию с детства, люблю бесконечно. Так любить могут только сумасшедшие. Или святые. Мне кажется: я – сумасшедший. Иногда моя любовь меня пугает. Звон хрустала, сверкание золотых кубков, в которых, пенясь, кипит густое вино. Весь мир пьет. Белая фата, о которой Рия так долго мечтала, как сотканная из снежинок корона, под которой светятся счастьем две лазурных звезды – глаза Рии. Они завораживают меня своим сиянием, эти глаза. Все слова, которыми можно выразить восхищение Рией, сказаны, сказаны давно. А новых человечество еще не придумало. Я молод, здоров, пришло время жениться, и Рия мне в этом счастье не отказывает. Мы самая счастливая пара на свете. Мне все-таки удастся пробиться к ней.

– Ты – умопомрачительная женщина, – шепчу я ей на ушко, – просто чудо.

– Я знаю.

– Ты как солнце – на тебя невозможно смотреть.

– Правда?

– Да. Я боюсь прикоснуться, превратиться в пепел.

– Вот видишь!

Мы танцуем.

Ее платье в танце – как белая грива. Мы впервые танцуем на виду... Вообще впервые. На собственной свадьбе, на глазах у всех, кто любит нас нашим счастьем. Вообще, все, что с нами происходит, происходит впервые. Мы, действительно, нежная пара, донельзя нежная и не стыдимся показать это гостям. Жених и невеста, жених и невеста... Сказочные слова. Я не только жених, я еще и царь. Потому-то так весело искрится вино и курится фимиам. И народ мой весел – я хороший царь. Много музыки, смеха, слез... Слез умиления. Я, правда, искренне огорчен, что не явился наш юный друг, который без ума от Рии. Его любовь к ней чиста и безмерна, но я не в силах ему помочь: Рия – моя. Моя невеста и теперь жена. Царица. Это признает каждый, кто может видеть. Даже немые обретают речь, глядя на нее. Мы тан-

цуем, все еще длится ночь, мы танцуем... Сколько прошло времени с начала этого пира, я не знаю. Когда Рия рядом, время останавливается. К утру, конечно, мы выбиваемся из сил, и с первыми лучами солнца я уношу ее в наши покои. На руках. Царицу. Под восторженные крики гостей. Даже первосвященник, хлопая в ладоши, завидует мне. Я вижу, как зависть сочится из его мудрых прищуренных черных глаз тихим светом воспоминаний. А кто не завидует? Таких не сыщешь, призвав на помощь даже солнце, которое вот уже пятый день подряд, засыпая, провожает нас в ночь любви. Пятый? Или шестой? Наш дворец гремит гостями, кубками, смехом... Даже пес устал веселиться.

Итак, свадьба! Она остается за дверями, которые слуги плотно прикрывают, как только мы с Рией (она у меня на руках), проскальзываем в наши покои. Одна дверь, другая, третья... Я только подмигиваю слугам, улыбаясь, и они подмигивают мне в ответ, прыская игривым смешком. И, пока дверь еще не прикрыта, провожают нас завистливыми, я знаю, добродушными взглядами. Я чувствую это кожей спины, а Рия, вручив мне славную легкую тяжесть своего тела, обвинив причудливой лозой своих ласковых рук мою шею, тянется к моим губам с поцелуем. Я целую ее, целую, целую и, целуя, укладываю на наше брачное ложе, целуя и целуя. И теперь только мы на всем свете, только мы, двое, одни, царь с царицей, супруги, любовники...

– Ах, мое ожерелье...

– Я подарю тебе новое...

Больше ничего не слышится. Слышно только, как неторопливо распускаются лилии... Уединясь в глубине покоев, в тайне за закрытыми дверями, сбежав от собственного народа и позолоты всеобщего торжества, мы любим друг друга, ликуя и паря над миром, любовники божьей милостью... Потом я ладонью смахиваю все жемчужины на пол и они, прыгая и звеня, и смеясь рассыпаются по полу.

– Что это? – засыпая, спрашивает Рия.

– Рассыпались звезды...

– Правда?..

– Спи...

Проходит неделя. Я вижу это по улыбающемуся рогу луны, который бесцеремонно заглядывает в наши покои, чтобы напомнить, что время не остановилось. А что нужно куда-то спешить? Еще чего! Свадьба на то и свадьба, чтобы сделать передышку в марше по жизни, думаю я, приподнявшись на локте и целуя атласное плечико Рии. Господи, как же она прекрасна! Золотой рог это тоже понимает и прячется в облачко, чтобы не будить нашу тайну. Рия еще спит, что ей снится? Мне тоже не хочется ее будить, но люди уже встревожены. Я слышу, как за окном не поют песен, как не льется в кружки вино, не бьется посуда. Нет музыки! И это на царской свадьбе?! Риечка, пора, моя дорогая, показаться народу. Уж если ты стала царицей... Где же твоя фата?

– Почему ты не спишь?

Даже звуки флейты не могут сравниться с ее голосом.

– Родная моя, – произношу я, – здравствуй!

А она вдруг вскакивает, как крик, резко сдергивает с меня тень простынного шелка и, разрушив мои мысли о народе, набрасывается на меня, как львица, нежная кошечка, чтобы снова и снова терзать мою отдохнувшую плоть.

– Слушай, Ри, – пытаюсь я утихомирить ее, – там люди...

Ей нет дела до людей. Новый поцелуй запечатывает мне рот, и слышны только ее стоны и шумное горячее дыхание, иногда скрип жемчужных зубов и тревожный шепот испуганных простыней...

Это – чудесно, как сотворение мира!

Потом – тишина.

Синий бархат неба усеян звездами, мир спокоен и тих, но ароматом тревоги уже повеяло с улицы. Видимо, нравы моего дома смущают народ. Нужно вставать и идти. Это – царское дело. Выглянуть в окно? Я набрасываю на себя что-то из своих золотистых одежд, подхожу к окну и машу рукой. И этого приветственного знака достаточно, чтобы снова грохнула музыка. Посходили с ума барабаны, снопы синих искр растерзали мрак сумерек. Свадьба, свадьба! Снова пир горой, продолжается счастье...

– Что случилось, – всполошилась Рия, подойдя к окну, – что там?

Там – жизнь.

– Так много людей!

– Вся страна...

– Ладно, – произносит она, – идем к ним. Где мои сандалии?

Она ищет, я жду, она ищет. Кажется, что проходит вечность. Но на то я и царь, чтобы ждать сколько требуется. И вот мы снова идем сквозь строй своего народа. Господи, сколько же их тут! Порядком уставшие, но счастливые, они встречают нас ликованием. Горы еды, реки вина, море песен и смеха, шуток и слез. Никто, конечно, не подает вида, но на этом веселом полотне счастья, как и в сиянии солнца, есть черные тени. Слепые. Я узнаю их по неуверенным движениям рук, напряженным позам, по тому, как они, ориентируясь только на звук, запаздывают с поворотом головы в нашу сторону, когда мы с Рией проходим мимо, сияя улыбками и разбрасывая по сторонам золотые монеты. Они понимают, что им не угнаться за звоном золота и остается только пристыженно улыбаться, будто бы в этом они виноваты. Их глаза – как ночное небо, забранное облаками: ни луны, ни звезд, ни единого светлячка. Слепо верят они только коже, только кожа их поводырь. А когда они слушают песни, мне кажется у них вырастают уши. Так они тянутся к радости и веселью. Вкус мяса их тоже волнует и запах вина и мира, но все это не стоит и ломанного гроша, когда вокруг них царит непроглядная ночь.

– Ришка, – спрашиваю я, – ты счастлива?

Она только крепче сжимает мне руку.

– Ты сегодня выглядишь так, словно у тебя что-то случилось.

– Ты забыл поцеловать мне плечо...

Я целую. Это одна из лучших минут моей жизни.

До царского трона, куда мы направляемся, еще несколько шагов. Не успеет растаять под сводами дворца эхо последнего удара барабана, – и мы упадем в кресла. Последний удар уже грохнул, и эхо его еще живо. Его еще слышит каждое ухо, способное слышать. Можно, конечно, замедлить шаг, и эхо умрет без царского на то повеления. Оно всегда замирало с поднятием моей руки. Это традиция, которой я управляю. Мы восседаем на трон, и я поднимаю руку, и умирает эхо, и теперь – тишина. Кажется, даже факелы перестали дышать, их пламя безвольно застыло, как слитки червонного золота, мраморный пол, кажется, распорот и, все звуки ринулись в бездну ада. Ни одна грудь не вздымается вдохом. Мир замер в ожидании, мухи – и те вымерли. Все взгляды сверлят мне руку. Требуется одно-единственное движение, шевеление мизинца, – и мир оживет. Тишина длится дольше, чем этого требует традиция, и я даю себе в этом отчет. Я умышленно нарушаю традицию ради светлого мига слепых. Мне нужны доли секунды, чтобы свет озарил их души, а глаза прозрели. Всю свою волю я собираю в кулак. Поэтому левая рука так крепко сжимает кисть Рии. Но она не вскрикнет, не выдаст боли. Я об этом даже не думаю, а тихонечко, чтобы ни один зоркий глаз не уловил этого движения (что привело бы ко всеобщему взрыву), направляю раскрытую ладонь правой руки в сторону слепого. Эта царская ладонь источает свет, целительный свет, которого не видит никто. Кроме слепого. Этим светом я всегда переполнен и дарю его тем, кто глух или слеп. Или слабодушен. Лишь на секунду мне нужно закрыть глаза, а когда я их открываю, – вижу ночь, у которой поблекли звезды: его глаза еще не прозрели, но рассвет

уже побеждает мрак. Время, кажется, остановилось, да и я выжидаю. В успехе я не сомневаюсь. Просто жду, как ждут рождения ребенка и, когда уже уверен в успехе, когда синь его глаз обласкала меня осмысленным взглядом, я роняю ладонь. Разрубаю воздух. Крик слепого (Я вижу, вижу!) тонет в гаме и шуме толпы. Но я-то слышу этот святой вопль радости. В это чудо невозможно поверить, в него верит только слепой.

– Видишь, – шепчу я Рие, – того слепого?

Она, улыбаясь, кому-то кивает.

– Теперь и он видит, – говорю я.

Она кивает.

О чем она думает, когда не слышит меня?

Глава 24

РАЗГУЛ ВООБРАЖЕНИЯ

Все это я могу себе только представить.

Так, значит, все это мне только привиделось?! И то, что я царь, и Рия – царица, и наша свадьба с белой фатой (Господи, как она Рие к лицу!), и танцовщица со своим белокурым другом, и горящие факелы на стенах... Надо же! Лишь на долю секунды я прикрыл глаза – и такое причудилось. Оказывается, и свадьба не наша, и фата на невесте съехала на бок. И невеста – не Рия...

Теперь я прислушиваюсь: гремит музыка и горланят песни, и радость, и смех... Свадьба есть свадьба, и она продолжается.

– Разве нет вина?!

– Нет вина?

– Нет вина!

Эти крики заглушают музыку. Похоже, что винные запасы хозяев исчерпаны, и они застигнуты этим роковым сообщением, как преступник окриком. Без вина и свадьба – не свадьба, это ясно каждому.

– А в кувшинах – там, у стены?

– Только вода...

Разочарованию гостей нет предела. Даже у музыкантов опустили руки и завяли глаза. Без вина какая ж музыка? Тишина. И вот в этой тишине, когда празднику, кажется, нет спасенья, и жених как-то сник, и потухла невеста, я берусь воскресить царство счастья и смеха, радости и всеобщего веселья.

– Там вино, – произношу я, как только можно тихо, но так, чтобы это слышали даже глухие. Мой указательный палец, проткнув пространство, направлен в сторону кувшинов, где обнаружилась только вода.

– Там... вода...

Чей-то робкий голосок вплетается в скуку свадьбы. Кислая неожиданность вползает в сознание зевая медленно, как тень горя, которого давно ждут.

Все притихли и смотрят на меня с любопытством.

– Вода, я же знаю.

Фома неверующий!

– Иди, пригуби, – говорю я, – и поверишь.

Он медленно встает из-за стола и, скривив лицо в пренебрежительной улыбке, так, чтобы все прониклись его недовольством, чуть передвигая ноги, направляется к стене. Все ждут, подталкивая его своими взглядами: ну-ка, скажи!

И вот он останавливается у стены, берет кружку и, зачерпнув из кувшина, отпивает глоток. Фома. Ну, так что там у тебя в кружке, вода? Первосортнейшее вино! Одного глотка ему мало, он отпивает еще.

– Вино... – шепчут его губы, и шепот этот громче раскатов грома. Но еще выразительнее его глаза. Не веривший еще секунду назад, своими вытарашенными рачьими глазами, он требует теперь веры у всех окаменевших гостей. Проходит секунда, затем еще, затем у каменных статуй оживают глаза, и первые робкие шевеления дрожью прокатываются по каждому телу: чудо? Не верим... Какое же это чудо?

А что же это? Конечно, чудо!

Они облепили кувшины, как осы сироп. Опрокидывая кружки с обезумевшими взглядами, они причмокивают губами, облизывая их языком, пританцовывая и совсем забыв

о свадьбе. Ополоумели. Верить или не верить – вопрос еще так не стоит, но какие у них блаженные лица! Ни за что не поверю, что они смогут поверить. Пляска полоумных длится еще какое-то время, затем кто-то осознает происшедшее, – и все они просто замирают на месте: чудо!

А вы как думали?!

И теперь, глядя в их ясные протрезвевшие очи, и я верю, что они верят. Эта вера не только в чудо, эта вера в меня. Наполненный до краев сосуд преподносят и мне: ты не веришь? Попробуй! Чтобы развеять и мои сомнения.

Искушение свадьбой – что может быть более жестоким? Это удар ниже пояса.

Глава 25 СЕБЯЛЮБИЕ

Иногда я случайно заглядываю в зеркало, отражающее этот грустный мир, я вижу: мужчина!

Иисус! Не Христос, но Иисус!.. Я привык к своему лику, как рассвет к зарницам, и уже потерял к своей внешности всякий интерес. Я похож на свет неба. Я и гром небесный, и радуга, песчинка и пепел, сумерки и заря, и весна, и ветер... Я могу рассыпаться сочным бисером спелой росы по зеленой траве и высверлить небо смертельным смерчем... Во мне кипят такие силы, да, такие свирепые силы жизни! Я – как весеннее зерно на каменном лоне. Кинь меня в благодатную почву и такое начнется, такое начнется! Только кинь! Но я все еще в каменных оковах покоя, в состоянии накопления и сгущения сил. Ко мне тянутся... Я рад искушениям, которыми выстлан мой путь к Небу – я знаю, что сам создаю эти искушения, а Бог помогает мне их преодолеть. Так я добываю свой венец славы. Я умею отличать великое от малого, тьму от света... В общем-то я больше молчун, чем словоохотлив, но бывают минуты, когда меня невозможно остановить. Бывает, что слова льются из меня, как вода из лейки. Могу просто разразиться смехом в разгар какого-то умного спора, заразительным смехом. Ведь от великого до смешного один шаг. Когда я смеюсь, лицо мое лучится радостью, упоение жизнью доставляет мне немало счастливых минут. В такие минуты ко мне тянутся... Если правда, что природа отдыхает на детях, то я не то дитя, в ком она бы нашла покой, я тот сын, без которого мир погибнет. Я тружусь, как вол, я – как жар в печи. Не покладая рук, я вбиваю в головы людей золотые гвозди истины, скрепляющие их ветхие плотики, готовые распасться при первом же волнении моря жизни. Каждый день я вступаю в бой с этим миром, чтобы Бог продлил ему век. Иногда выигрываю, иногда проигрываю. Я – источник всего. Остановись я на миг и Вселенная исчезнет. Мне не дано лепить горшки, я и не берусь, не дано принимать роды, я и не лезу со своим повитушничеством, мне не дано петь – я и помалкиваю. Я вообще молчун, как уже однажды замечено. И только долг заставляет меня шевелить губами. У меня характер сангвиника. Реже – меланхолика и холерика. Только не флегматика. Кисель – не моя стихия. Я – здоров! Кто-то скажет, что я упрямый ленивец, который хочет заниматься не тем, чем должен. Неправда. Я знаю свои долги. Да, я ленив, когда дело касается мелочных забот быта, накопительства, власти... Что касается власти духа, тут я – слон. Слон и тигр, и змея, и конь. И орел, и вол, и вода, и камень. Я – огонь... С утра до ночи я у станка. И послушайте меня: не верьте, если кому-то кажется, что тот, кто на первый взгляд в жизни ничем не занят, является совершенным бездельником. Именно он и занимается самыми важными в мире делами. И нет на земле труженика усерднее меня, нет на земле работы труднее моей. Порой она просто непосильна, каторжный труд. Ведь изо дня в день я занимаюсь не только повседневностью, но и делами потомков. И безграничным миром бесконечного завтра. Я надеюсь, мой ум и упорный труд умноженные на то обаяние и, возможно, жестокость, с которыми я проповедую небесные истины, в конце концов принесут свои плоды. Люблю шахматы, шутку и смех, остроумы мне нравятся. Мне нравится, когда лица собеседников светятся умом, а глаза – сияют. Люблю праздники, когда льется рекой вино, когда Рия в восторге от моих шуток, от моих остроумных тостов и притч. И ненавижу праздники... Умному достаточно оглядеться, чтобы обнаружить причину этой ненависти. То фарисейство, которым пропитана вся эта радость и веселость вызывают во мне глубокое чувство протеста. Без помощи кого бы то ни было могу сказать, что я смел, и без всяких там экивоков утверждаю, что обладаю светлой головой с добрыми мыслями. Бывает со мной творится что-то неладное, и это пугает меня. Может показаться, что меня

точит червь бешенства, но это лишь свидетельство того, как трудно мне отстаивать свои истины. Мне не знакомо и чувство мести. Око за око – не мое кредо. Зуб за зуб – не мой девиз. Я бываю суров, но суровость эта всем только на пользу. Я всегда защищен добром. Злорадствуя, меня могут обозвать скопцом или евнухом. Хм! Я живу простой, очень простой жизнью: утро, день, вечер... Мне нравятся ночи, длинные черные восточные звездные ночи, когда, кажется, сам Бог слетает с небес на землю, и ты во всем поднебесном мире чувствуешь Его святое дыхание. А какие здесь звезды! Они вчетверо, впятеро! больше и ярче всех звезд мира! Я не привередлив. Завтракаю чем попало, а ужинаю чем придется. Вдруг оказалось, что я – гурман. Жаренные мозги барана или заливные язычки канареек, или там тушеные в сметане почки я просто терпеть не могу. Мне достаточно одного апельсина, два-три граната, горсточка спелых смокв... Вегетарианец и сыроед. Потому и здоров. Я так прост, что это ставит в тупик даже самых близких мне людей. Моя простота шокирует Рию. Нельзя сказать, что я беден. Я живу в мире уравновешенной, свободной от крайностей расчетливости, откровенно богат на добро, и эта бессребреническая жизнь мне по душе. Случается, я живу впроголодь. Кому-то может показаться, что я бесприютный бродяга, скиталец... В самом деле: да! Путешествия – моя слабость. Меня вряд ли кто-либо видел угрюмым. Выражение лица бывает скорее задумчивым, чем опечаленным, скорее меланхоличным, чем унылым. Лишь иногда мое лицо озаряет улыбка, с которой прощают самые дерзкие проступки людей. Но держится она недолго, поскольку то и дело приходится заставлять себя заниматься невеликими земными делами, разрушать, исцелять, что-то строить... Тут не разулыбаешься. Но она чарует каждого, кто видит ее. Иногда я пою, хотя Бог не дал мне ни голоса, ни слуха. Мне не нужно признаваться ни в чем таком, что могло бы заставить людей содрогнуться. Я не помню за собой ничего дурного, ничего такого, что заставило бы меня краснеть, дорожу чистотой своего имени и не запятнаю его чего бы мне это ни стоило. Люблю цветы, лилии, их торжественные белые одежды, розы, их величественный грозный пурпур. Нельзя сказать, что я добр, но бесспорно я бесконечно надежен. От меня не исходит никакой угрозы. Это – главное. Я вообще жаден до всего совершенного.

Я пророк. Раз я сказал: «Горе тебе, Иерусалим!» – жди горя. Раз я сказал: «И тебе горе...» – жди! Раньше или позже оно придет. Может быть, во всем своем помпезно-разрушительном великолепии, как рев раненого зверя, а может, тихо, как тать.

Я не жалею о том, что ушло безвозвратно и рассыпалось блистающим бисером на безбрежных берегах моей памяти, но мне бесконечно жаль тех натужных усилий, что истрачены зря в поисках света. Тем не менее жизнь мне нравится. Я не ненавижу, я только сожалею о том, что ненависть не в состоянии завладеть мною безраздельно, от края до края. Я привык ежедневно упражняться в добродетели и добился, на мой взгляд, основательных успехов. Да, преуспел я во многом. И люди, видя, как на лбу у меня выступает пот от желания помочь им, идут ко мне с открытой душой. И тогда не жаль ни себя, ни времени, ни усилий и трат, с которыми я день за днем твержу о горчичном зерне, о закваске, о неводе... Я не желаю даже слышать о том, что они – как стадо бесприютных овец, потерявших своего пастуха. Нет! Они и как глина, из которой можно лепить счастье, и как камень, из которого можно ваять вечность. Можно и пора! Вот я и заточил свой резец. И никакие Хуфу, никакие Хеопсы, принудившие толпы рабов возводить свои величественные каменные гробы, не сравнимы с той филигранной архитектурной вязью, которую для строительства моего Храма рисует мое воображение. Титанические усилия, которые я прилагаю, чтобы в мире воцарилась любовь, пока не увенчались успехом. Как Сизиф я таскаю в гору свой камень изо дня в день, и конца этому не видно.

Вот я и закатал рукава.

Глава 26

ПЛОДОТВОРНО ТОЛЬКО ЧРЕЗМЕРНОЕ

Теперь я живу в одиночестве со своей радостью. Надежда на величие оказывается совершеннейшей чепухой, когда я замечаю за собой чувство страха перед наступлением будущего. Я еще не так крепко стою на ногах и понимаю, что любая, самая ничтожная случайность может стать препятствием на пути распространения моих идей. Скажем, случайная смерть, которая таится здесь за каждым камнем, за каждым кустом.

Известие о том, что светлая голова Крестителя, оповестившая мир о моем приходе, покоится теперь на золотом блюде, повергло меня в ужас. Радость последних дней была омрачена и тем, что только теперь, после всех испытаний, я наконец признался себе в сокровеннейшей правде: я теряю свою Рию. Но разве у меня есть выбор? Как я смогу оправдаться потом перед человечеством? Я стараюсь избегать мыслей о Рие, но память настойчиво напоминает мне о нашей любви. И от этого никуда не спрячешься. Из всех испытаний, которым я был подвергнут, испытание разлукой самое трудное. Во всяком случае, сейчас я переживаю не лучшие дни своей жизни. Единственным утешением для меня в эти тягостные часы является мысль о том, что я стою на пороге новой эры – эры спасения человечества от греха. Я до сих пор не могу себе представить, какой путь спасения предложить людям – восстание или терпение. Ясно одно – это будет нелегкое испытание. Вызревшие на полях Вселенной зерна гармонии нужно кропотливо собрать в безупречно вычищенные закрома, крупинка к крупинке, зернышко к зернышку и, тщательно отделив от плевел, дождавшись плодородной поры, с трепетом высадить в благодатную почву. Пока я знаю только одно – существующий мир не стоит того, чтобы о нем заботиться. Земля – не моя родина. Хотя люди и достойны лучшей участи. И, чтобы обрести счастье, им и нужно-то всего-ничего – оторвать глаза от земли и поднять голову.

Это – трудно.

До недавних пор мне казалось, что я не в состоянии разрешить эту трудность, а теперь я даже не задаюсь вопросом, может ли это сделать кто-то другой. Да я и никому не позволю. Видно, это судьба и мне уже не отвертеться. Жизнь течет теперь, как по писаному. Но я пока еще не знаю, чем поразить человечество. Что вбить ему такое в голову, чем потрясти его заскорузлый ум, чтобы жизнь на Земле перестала страшиться смерти? Это для меня сейчас вопрос вопросов. А ответа – нет.

Пронизанный лучами космической правды я спешу домой. Иной раз кажется, что я готов перевернуть мир. Эта уверенность пришла с печальной вестью о казни моего пустынного сподвижника. Его смерть прокричала мне: «Теперь ты один, и на тебя вся надежда!» Об этом не надо кричать. Не надо даже нашептывать на ухо. Я готов. Втайне я даже рад этому: дождался-таки. Удивительно, что как только люди потеряли своего вожака, они толпами потянулись ко мне и, облепив, как пчелы матку, жадно раскрыли рты. Как выброшенные на берег рыбы. Никого уже не удивляет, что еще вчера я был среди них, и они меня не замечали. Они потрясены лишь тем, что в каждом из них я нахожу помощника, сподвижника, соучастника великого перелома. Всякий, кто пожелает, может быть моим другом, братом, учеником. Это их подкупает. Ради вхождения в мое королевство, в царство моего духа, о приближении которого я не перестаю повторять, они готовы отдать все свои земные сокровища. Готовы? Этого, если быть откровенным, я не знаю.

Многие несут мне дары, произносят лестные слова. Зачем? Мне не нужна ни лесть, ни подарки, и это их тоже подкупает. И ночью, и днем, на всех перекрестках и на каждом шагу я без усталости возвещаю, что за всеми великими царствами мира, так и не сделавшими людей

счастливыми, придет новое светлое и возвышенное – Царство Духа, которое своим великолепием и благостью затмит все предыдущие. Оно уже пришло, говорю я, и мы стоим на его пороге. Они смотрят себе под ноги и, не найдя порога, в недоумении поднимают глаза. Я делаю вид, что не замечаю их растерянности и продолжаю твердить свое. Не всякий, говорю я, сможет войти в это царство, тут нужно стараться, желать... Я предупреждаю, что прежде, чем перед ними откроются врата этого рая, они так должны поскрести свои души, чтобы там не осталось ни одного грешка, ни единой соринки. Придется расставаться с земными сокровищами, говорю я, рвать даже узы братства. Кто-то захочет тайком протащить в мое царство туго набитый золотом мешочек, но застрянет в игольном ушке. Они не понимают, о чем я говорю, и мне приходится пояснять сказанное. Многие из вас, бросаю я им в лицо, умрут от жадности, женщины предадут, а мужчины отступятся и, не ведая что творят, проявят невероятное усердие, чтобы подвергнуть меня осмеянию и всеобщему уничтожению. Затем уничтожат. Уничтожат? К такому повороту они не готовы. Я и не требую от них немедленного и безоговорочного понимания. Это придет. Злость, жадность, зависть, продолжаю я, желанье славы и упоение собственным честолюбием не проникнут, не пролезут, не проползут на территорию моего царства. Даже смерть побоится к нему приблизиться. Отчаяние войдет в каждый дом и оно будет жутким. Я не перестаю твердить им о трудностях, поджидающих на пути в мое царство, и вскоре уже требую их преодоления. Вы же знаете, говорю я, что плодотворно только чрезмерное, умеренное же – никогда. Да, они это знают. Я вижу, как на глазах людей появляются слезы. Очарование жадной надежды быть принятым в мое царство читается теперь в каждом взгляде. Я понимаю, что только считанные единицы, лучшие из лучших понимают, куда я их зову. Я вижу их умные глаза, полные горечи предстоящих мук и радости величественных побед, одержанных в битвах за счастье. Большинство же охвачено неудержимым желанием прикоснуться к чуду. Их тела дрожат трепетом ожидания, рты нараспашку, а глаза ополоумели. Они еще не понимают, куда зовет их воля Небес. Сама мысль о приближении нового царства приводит их в восторг. Они, как дети, лелеют себя радужными надеждами, не представляя всех терний, которые встретятся им на пути. Из них можно лепить ангелов. Вот я и закатал рукава.

Глава 27

ИМПЕРИЯ ВЕРЫ

Сомнения о моей роли в судьбах собственной страны и всего человечества остались в прошлом и я, как уже сказано, закатав рукава, приступаю к работе. Мне тридцать три и у меня теперь есть профессия и, если я царь, то у меня есть и царство. Задача заключается в том, чтобы показать его моим соплеменникам. Вот смотри, это твое и мое, это наше царство. Кажется, нет ничего проще: любуйся его красотой, слушай сладостные мелодии жизни, трогай его руками, пробуй на зуб. Кажется, нет ничего проще. Но в том-то и заковыка, что царство мое не от мира сего. Оно так грандиозно, что втиснуть его в пределы моей маленькой родины никак невозможно. Ему требуются бесконечные просторы Вселенной, а наш крохотный земной мирок может в нем затеряться. (Я приложу все свои силы, чтобы этого не произошло). Оно так высоко, что стащить его с небес на грешную землю бесконечно трудно. Диву даешься, что такие простые истины, как праведность или, скажем, любовь многим недоступны. Люди не верят в праведность, а любовь их живет заплаканой. Есть и другие трудности.

Во всем этом главное – найти правильный тон, а не поносить свою эпоху. Нужно быть упорным и умножать свои силы усердием и терпением.

И вот во мне уже наливаются спелостью слова моих проповедей и вскоре сплетаются в простые понятные фразы, которые уже покачиваются у меня в голове, как вызревшие на ветвях гранаты.

– Вам придется оставить свой повседневный труд и следовать за мной.

– Мы готовы.

– Вам придется кусок за куском раздать все накопленное...

– Мы готовы...

– Из ловцов рыбы вы теперь станете ловцами человеческих душ...

– Мы готовы...

Они твердят о своей готовности, не задумываясь над тем, чего это будет им стоить. Ведь влюбленные в Небо, они рано или поздно они станут изгнанниками здесь, на земле. Мне бы не хотелось видеть их слабыми или отступившимися.

– Блаженны, – произношу я, – нищие духом...

И поясняю:

– Это не та нищета, когда вы живете за порогом бедности, это та нищета, когда в мире нет ничего, что можно было бы назвать своим. Понимаете?

Я не жду от них ответа на свое «Понимаете?», сейчас им просто нечего ответить. Я продолжаю:

– Быть нищим духом – значить понимать, в какой величайшей нужде мы находимся. И только дух смирения в состоянии помочь вам увидеть вашу греховность.

Я сижу на макушке горы и вижу их, расположившихся на склоне, как на ладошке. Они ловят каждое мое слово. Поэтому прежде, чем что-то сказать, я все тщательно взвешиваю и произношу только тогда, когда уверен в простоте и доступности тех истин, о которых рассказываю. Мое красноречие их умиляет. Никто еще так не говорил с ними. Никто еще не владел тайной так возбуждать их воображение и убеждать в том, что они уже зацепились кончиками пальцев за оперенье птицы собственного счастья, и теперь нужно бережно ухватить ее за роскошный хвост. Мое красноречие – не искусство произносить красивые слова, это у меня такой дар, которому я начинаю усердно служить. Мне нужно, чтобы ко мне их влек не только разум, мне нужно, чтобы они тянулись ко мне всем сердцем.

– Все плачущие будут утешены, – говорю я, – а жаждущие правды найдут ее и успокоятся.

Затем к числу блаженных я причисляю кротких и милостивых, миротворцев и чистых сердцем... И объявляю их наследниками моего царства, но и изгоями, да-да, изгоями, потому что многие из них не найдут понимания у соплеменников.

– Но вы станете солью земли.

Это они понимают.

– И светом.

Они согласны. Кому не хочется излучать свет, указывая дорогу другим? И пусть мои слова не настолько величественны, чтобы у них кругом шла голова, зато они полны глубокого очарования.

– Истинно говорю вам, – говорю я и во всеуслышание объявляю, что пришел исполнить воистину закон и пророков. До последней йоты.

Они в этом нисколько не сомневаются, я это вижу по их взглядам и сияющим лицам. Они, как дети, доверяют мне. Властью своего неотразимого очарования я уведу их из родных деревень и шумных городов на берег удивительно светлого озера, напоминающего живой опал с постоянно меняющимся отливом, покоящийся в драгоценной оправе из палевых гор. Я увлеку их на вершины уединенных холмов, где буду читать им свои чудные проповеди, которые на первый взгляд противоречат человеческой мудрости:

– Любите врагов ваших... благотворите ненавидящим вас...

Их глаза полны удивления: что ты такое говоришь?

– А я говорю вам...

Только таким назидательным тоном можно заставить их поверить в сказанное. И это только цветочки. Великие трудности еще придут. Их преодоление будет сопряжено с предательством, разлукой, жуткой болью, поруганием и всеобщим позором и, наконец, с победой над смертью. Смерть унесет с собой горечь потерь и высветит торжество вечной жизни. Все это придет, а пока я должен впустить их в свое царство. Чтобы исполнить всю правду. Нужны жертвы и в жертву вам нужно отдать все земные страсти. И любовь? На это я только пожимаю плечами: конечно! Но только ради любви.

Требуется такие слова, от которых бы дух захватывало и пупырышками покрывалась кожа, будто эти слова нашептывает на ушко самый родной человек. Простым и привычным языком я расскажу им о совести праведного человека, которая станет мерилom жизни. И хотя упрямые умы будут чинить нам всяческие препятствия, пройдет немного времени, и они поймут, как заблуждались, и привяжутся к нашей жизни, воспевая ее во весь голос. Они не будут уставать твердить, что для завоевания власти над землей придется отрешиться от всего земного. Пока мы поклоняемся царству материи и ее законов, царству животных инстинктов и, так называемого, разума человека, не осененного духом вечности, а отданного во власть человеческим страстям и заблуждениям, порокам и самой смерти, пока мы будем жить среди этого бесконечного мрака в страхе перед каждым будущим днем, ожидая приговора за свои грехи (каждому ведь есть в чем себя попрекнуть), мы не выберемся из могилы тления.

Чтобы выкарабкаться наверх, нам нужно подняться выше всего, что проходит и умирает. Выше египетских пирамид!

– Но кто из нас, – спрашиваю я, – стремится приблизиться к Богу без надежды на вознаграждение? Без личной корысти?..

Мой вопрос заставляет их опустить глаза. Но чего, собственно, ждать от людей, которые каждый день ловят рыбу или плетут корзины?

Нужно найти в себе мужество, продолжаю я, жить в новом, созданном своими руками, небесном мире. И светильники вашей жизни померкнут перед сиянием Неба. Нам надо стать превыше веков и времени. И здесь не должно быть никакой половинчатости. Надо сделать

выбор и решительно шагнуть в сторону вечности. Требуется недюжинная сила воли, чтобы приобрести новый мир. Да, весь этот мир, а не затерянный в пустыне мирок моей маленькой и великой родины.

Так я выковываю и закаляю их волю. Я рисую им непреходящее, стараюсь для вечности.

– Поэтому, – говорю я, – не привязывайтесь ни к чему, и вам нечего будет терять. И лучше быть бедным, чем богатым, лучше быть преследуемым, чем преследователем, лучше искать, чем иметь, лучше подниматься, чем падать, лучше борьба, чем покой, лучше одному, чем с толпой, лучше...

Как они слушают! Как!..

– ... и не обременяйте друзей громадой доверия, чтобы потом в них не разочароваться... Маскам не верьте, сдирайте их с лиц лицемеров и фарисеев, сдирайте с кожей...

Так я создаю свою империю, империю веры.

Глава 28

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

С недавних пор небольшой городок, не держащий за собой никакого славного прошлого, ничем не примечательный в нынешнее время и совершенно не тронутый современной жизнью, стал для меня второй родиной. Здесь меня уже знают и ждут. А от своих, близких и родных, мне пришлось уносить ноги. Когда, осененный духом своего царства, я пришел туда, где провел детство, где каждый встречный приветствовал когда-то меня улыбкой, пришел с искренним желанием утешить сетующих, а вместо плача подарить им елей радости, мои соплеменники накинулись на меня с вопросами.

– Не ты ли тот плотник, кто вчера еще мастерил нам скамейки?

– Да, тот.

– Да разве не сын ты того парализованного старика, которого оставил умирающим?

– Да, сын!

С неумолимой дотошностью они задают свои вопросы, пытая меня недоверчивостью и подозрительностью. Они даже представить себе не могут, что тех знаний, которыми я обладаю, вполне достаточно, чтобы сделать всех их счастливыми. И эти мои знания нисколько не теряют в цене, оттого, что они не знают того, что я знаю. Вот я и пришел, чтобы принести им в дар эти знания. Но они не понимают, как я мог осмелиться учить их чему-то. Глаза их полны гнева.

– Как же ты можешь приписывать себе право называться царем и рассказывать о каком-то неведомом царстве, которое уже наступило? Где оно? И разве нам подвластны народы мира, разве воцарилось и торжествует на земле наше племя?

Родные мои, не об этом царстве я вам рассказываю...

Но они не стали больше слушать меня, выжили меня, вышвырнули за пределы города и хотели сбросить с крутой горы. Мне чудом удалось спастись. А ведь я предлагал им шанс зацепиться добром в истории человечества. Они и зацепились, но злом. Это все, на что они были способны.

Воистину нет пророка в своем отечестве.

Они предпочитают и дальше бесцельно носиться по волнам жизни, вместо того, чтобы добраться до уютной гавани счастья и наполниться там божественным светом.

Что ж, Бог вам судья.

Не взяв с собой ни гроша, ни обола, я уйду.

И вот небольшой рыбацкий городок, разбросавший свои жилища по северному побережью дивной красоты озера, приютил меня. Отдельные его домики сползли до самых отелей, так что, засыпая в них, можно слышать шепот прибрежных волн, а маленькие бухточки просто набиты рыбацкими лодками. И городок точно попался в сети – так много их развешано на солнце. Здесь меня уже знают и ждут, а где тебя ждут, там ведь и твоя родина.

И крохотная церквушка, прилепившаяся на крутом утесе и господствующая над россыпью рыбацких домиков – это тоже моя родина.

Глава 29

ТРЕПЕТНОЕ СТАРАНИЕ

Рие я не перестаю удивляться. Ее восхитительная манера выразить удивление, тараща на меня свои дивные большие глаза, приводит меня в восторг.

– Правда?

– Я никогда тебя не обманываю.

– Правда?

– Правда.

Она не боится никакого соперничества. Она знает, что я от нее в восторге.

– А помнишь, когда ты... когда ты сказал, что мы всегда будем вместе?..

– Это и есть правда.

– Расскажи про свое царство, – просит Рия.

Я рассказываю. Я рассказываю так, что она не может сдержать слез. Я не лишен способностей хорошего рассказчика, рассказывать – это мой дар. Я словами, как красками, рисую такие картины, которых нет наяву, и моя любовь озаряет эти полотна, как солнце востока озаряет утреннее небо.

Рия в восторге:

– Как интересно, – шепчет она, – это так неожиданно!

– Да, – говорю я, – неожиданно.

– Слушай, – говорит Рия, – ты у меня просто гений! Ты это понимаешь?

Я только пожимаю плечами: разумеется. Мне ведь не нужно ради какого-то там честолюбивого желания выставлять свой дар напоказ.

– Хоть лепешку съешь, – предлагает Рия.

– Некогда...

В жизни каждого человека есть минута, когда он вдруг обнаруживает в себе дар, нечто ошеломляющее и чудесное, что приводит его в восторг, но повергает в недоумение: не может быть! Может! Нужно сгрести волю в кулак и, сцепив зубы, бросить все, что мешает поверить в чудо, и, проявляя трепетное старание и невероятное усердие, уверенно перешагнуть границу посредственности и тут же начать служить своему дару...

Несмотря ни на что.

Сегодня я в разладе с миром, и мне сейчас, чтобы не сойти с ума, нужно упорядочить жизнь. Каких только тревог у меня нет! Ведь каждый час случается так много, что не уместается в голове.

– Знаешь, – говорит он, – когда меня накрыла пыльная буря, я думал, что мне не выбраться. Был момент, когда я отчаялся и готов был сдаться, но ты пришла и сказала...

Он и в самом деле считает, что без Рии, без ее понимания и повседневной поддержки, он никогда бы на такое не решился: перевернуть мир.

– Знаешь, – говорит он, – у тебя есть одно редкое качество...

– Одно? Редкое? Какое же?..

– Ты готова, не раздумывая, делать то, что мне нужно.

– Не раздумывая?

Он на мгновение задумывается, затем отвечает:

– Не раздумывая.

Теперь задумывается Рия, затем:

– Верно, есть, – произносит она, – я же тебя люблю.

– Ты лучшая из женщин, которых я знал в своей жизни...

Рия прелестна! Это существо абсолютной гармонии и согласия!

– ...богиня...

– Я знаю.

Ее взгляд, устремленный в верхний угол спальни, через секунду падает на кончик ее прелестного носа и, едва задержавшись там, игриво вонзается в его зрачки.

Так она кокетничает.

Глава 30

ЗОЛОТЫЕ РОССЫПИ ПРИТЧ

Я всегда знал, что золото – символ власти, а у меня его немеряно: золотые россыпи моих притч. Их у меня – как секунд в вечности.

Мне, вероятно, следует отдохнуть. Проповедовать свои истины в мире зла, которым пронизано человечество, отданное ему в добычу, невероятно трудно. Почему же я улыбаюсь? А потому, что они, находясь в постоянной борьбе со своим эгоизмом и чувственностью, терзаясь от напыщенной гордости, все-таки прислушиваются к моим словам.

– Блаженнее давать, – говорю я, – нежели брать. Научитесь отдавать и сделайте это привычкой. Станьте подобны источнику, дающему жизнь в пустыне. Отдавайте все то лучшее, что приобрели и не бойтесь неблагодарности людей.

Больше всего меня удручает то подслеповатое недоверие, с которым они смотрят на меня. Их глаза полны растерянности, рты вопросительно раскрыты и остановились сердца. Я вижу, с каким неприятием они слушают подобные утверждения, но уже слышу и тяжелый стон, вырывающийся из стесненной груди человечества, освобождающейся от зловония зла. Я помогу им его победить.

Отдыхом для меня являются постоянные переходы по городам и селениям, где я не перестаю повторять:

– ... сказано не убивай. Кто же убьет, подлежит суду.

Ошибка в том, разъясняю я, что судят проступок, не задумываясь над тайной, побудившей его совершить. А я говорю вам, что порицать нужно не только свершившееся действие, но даже тайное чувство, которое может привести к преступлению. Гневающийся же подлежит геенне огненной.

Бывает, что кто-то из слушающих мои проповеди, упрекнет меня:

– Ты же свидетельствуешь против закона.

Но если не отрицать своих предшественников, будучи уверенным в несовершенстве тех ложных истин, которыми они заполнили мир, как можно приблизить людей к счастью? К тому же, *lex talionis*, закон возмездия, уже утратил свою привлекательность. Да и силу тоже.

– Это закон противоречит моему сердцу.

Я произношу это едва шевеля губами, но так, что даже стоящие в последних рядах повторяют за мной каждое мое слово. Так читают молитву. А вскоре тишина наполняется гулом сердец.

– ... эти химеры и догмы давно устарели, – продолжаю я, – и вся эта лелеемая и почитаемая вами заскорузлая чушь нуждается в обновлении...

И на берегу моря, и высоко в горах, и на небольшой равнине среди моря хлебных полей, золотящихся роскошью весеннего дня, я не перестаю их удивлять.

– ... сказано древними: не прелюбодействуй. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем... И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

Произнося такие простые и ясные слова, я понимаю, что не могу жить без Рии. Стоит ей только прокрасться тайными тропками в мою память, и сердце мое сжимается болью. Боль эту выдает и голос.

– Не клянись вовсе, ни Небом, ни землею, ни головою своей...

Я никогда ни в чем не клялся и не требовал этого от других. Рие я верил с первого дня нашей встречи, когда увидел ее мокрым цыпленком в озере... Но что теперь толку терзать

понапрасну память, призывая высветить в глубине прошлых лет блаженные минуты нашего счастья? Злу, которое пришло в этот мир, чтобы разрушить нашу любовь, я не противлюсь.

– ...сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злу, а покорись ему.

Покориться злу? Они отрывают от меня глаза и шарят взглядами у себя под ногами в поисках камней, чтобы кинуть в меня.

– Борюсь со злом, – говорю я так же тихо, – можно подавить его на какое-то время, но не уничтожить. Смирение же его обезоруживает...

Они просто очарованы злом.

– Вы – соль земли. Вы должны помнить: чтобы быть совершенно свободными, вы должны стать рабами моего царства. Мир вас пугает и подчиняет себе, а вы слепы и глухи к моим словам, вы не видите... Вы не слышите...

Я твержу и твержу эти истины в надежде на то, что они найдут в себе силы охватить их умом и сердцем.

– И вот еще что...

– А где начинается грех?..

– Там, где кончается совесть...

И камни выпадают у них из рук. На том дело и кончается.

Я снова не все успеваю сказать.

– И вот еще что: если ни горе, ни радость, ни удача, ни неудача, ни здоровье, ни болезнь, ни счастье, ни несчастье, ни голод, ни сытость, ни одиночество и ни жизнь и ни смерть не лишают вас равновесия, вы – победители жизни. И победители смерти.

Не все успеваешь...

Несильный порыв ветра заколосил пшеницу, и золотые волны, шелестя убежали. Их шелест не заглушил моих слов. Я вижу теперь, что камни им не понадобятся. Я не какой-то там мятежник. Вероятно, у меня несколько суровый вид, но я ведь и сильный. Требуются известная суровость и сила, чтобы прекратить их унылое шествие ложными тропами. И никто не переубедит меня в том, что только те обретут пропуск в мое царство, кто согласится принять иго мое: «А я говорю вам...». Я запрещаю даже втайне предаваться страстям, даже мечтать о них преступно.

– А я говорю вам: любите врагов ваших. Молитесь за обижающих и гонящих вас. Будьте совершенны...

Люди дивятся моим простым и понятным словам. Для них многое внове. Я теперь понимаю, что многого можно достичь одной простотой, которой совсем не осталось в мире. Он загроможден химерами ложных истин, хитроумных сетей мудрствующих книжников и лицемерных фарисеев. Мир наполнен напыщенной помпезной болтовней, надут парами зловонного чванства. Вот я и выбрал жала своих слов, чтобы проколоть этот пузырь самодовольства и сладострастия. Чтобы мир этот лопнул. Поэтому люди и слушают, затаив дыхание, даря меня своим неслышанным вниманием, жуя немymi губами мои слова, которые капля за каплей сливаются, подобно горным звенящим ручьям в единый гулкий поток, устремляя свой бег в глубокое русло, ведущее в море прозрения. Эти потоки жемчужин увлекают их за собой, и кулаки разжимаются, и снова камни, которые у них всегда наготове, выпадают из рук.

Мои слова – как щиты для меня. Но никто не знает, каких мук мне стоит выискивать эти слова среди сора бессмысленных фраз, которыми люди осыпают друг друга в сером каждодневье.

Глава 31

ЧТО ЖЕ ВЫ УПАЛИ ДУХОМ?

Иногда я забываю поесть, и голод не дает мне уснуть. Бывает, устаю так, что не хочется жить. И, когда чувство бесконечной усталости валит с ног, прошу своих друзей увезти меня на восточный пустынный берег озера. Там нет даже деревца, где можно было бы найти прохладу, но для меня гораздо важнее уединение. Проявляя торопливость или даже настойчивость, я вызываю недоумение. Десятиверстной полосой воды я отделяю себя от людей, преследующих меня по пятам. Куда бы я ни пошел, они следуют за мной, как тень. Это-то невыносимее всего. Сегодня у меня с самого утра не все ладится, поэтому я пускаюсь наутек от преследования, которое зло дышит мне в затылок и, вероятно, уже никогда меня не оставит. Мои планы мало-помалу воплощаются, тем не менее я всегда недоволен собой, хотя виду и не подаю. Мне не хотелось бы быть застигнутым своими учениками в полном отчаянии. Медленно, но я все-таки продвигаюсь к своей цели, и хотя промахов за собой замечаю немало, я не стал бы сечь себя плетью. Бывает от досады я плачу.

Послеполуденная поверхность озера под низкими облаками черно-синяя, прибой зол, солнца нет. Ветрено. Я с наслаждением подставляю лицо мягким порывам бриза. Хорошо, сняв сандалии, шлепать по неглубокой воде босиком. Похоже, будет дождь и придется прятаться в пещерах. Не хотелось бы на закате дня встретиться с кем-нибудь из живущих на том берегу отшельников, настоящих изгоев, бесноватых и прокаженных. Раздражают и крики взбесившихся чаек. Я спрашиваю себя, долго ли вот так буду шлепать по воде с сандалиями в руках. Вода мутная и все же приятно погружать в нее ноги. Потом я снова думаю о своих промахах. Полы хитона сплошь вымокли. А вот и моя спасительница. Хотя лодка и жидковата и паруса безнадежно обветшали, я надеюсь, до наступления ночи мы переберемся через озеро. Наконец я забираюсь в лодку. Ее сильно раскачивает и мне, чтобы не упасть, приходится ухватиться за борт. Пожалуй, я все-таки присяду на скамейку и, закутавшись в плащ, подремлю. Чей-то робкий голос, принесенный порывом ветра, заставляет меня оглянуться.

– Я хочу стать твоим учеником...

Боже, в какие лохмотья он нарядился! Кажется, еще небольшое усилие и ветер разденет его донага. Ветер лохматит и его волосы, седая борода, как клок верблюжьей шерсти...

– ... но позволь мне прежде...

Ветер крадет его слова, и ему приходится повторять снова и снова.

– ... пойти и похоронить отца своего...

– Иди за мной, – говорю я, – и предоставь мертвым погребать своих мертвецов.

И жестом руки приглашаю его в лодку. Таких нужно просто тащить за собой, иначе они никогда не решатся. Я встаю и требую:

– Иди сюда!

Высоко задрав хитон и оголив кривые короткие волосатые ноги, он идет по воде, подходит к лодке и, как мешок, переваливается через борт. Теперь я слышу, как беснуется на ветру парус, словно кто-то хлопает в большие ладоши, затем лодка, вздрогнув, сползает с мели и, набирая скорость, разрубает носом обозленные волны. Ночь густеет, на востоке небо уже фиолетовое и, если присмотреться, на нем можно разглядеть ранние звезды. Большинство из моих попутчиков, а их человек пятнадцать, соблюдая такт, дают мне возможность отдохнуть. Они уже знают мою привычку, закутавшись в плащ, полулежа, дремать на корме, и не пристают ко мне с вопросами. Мы еще успеем наговориться. Ветер усиливается, приходится придерживать платок руками, чтобы его не сорвало с головы. Скрипит мачта, хлопает парус и кажется, что лодка вот-вот развалится на части. Но ко всему этому быстро при-

выкаешь. Пронзительные крики чаек, размеренный плеск волн, покачивание лодки... Я ни о чем не думаю. Вскоре я засыпаю крепким сном утомленного праведными трудами человека. Я приучил себя спать на корме и на камне, сидя и даже стоя, как конь, когда некуда прислонить голову, под открытым небом, в пещере, а то и зарывшись в песок. Так что спать на корме под убаюкивающую музыку волн для меня высочайшее наслаждение. Мне, как и любому другому, уставшему от забот прожитого дня, достаточно лишь закрыть глаза, и мир оставляет меня в покое... И вот мы летим с Рией, как две птицы, взявшись за руки, летим над синей рекой, следуя за всеми ее извилями, напевая... Я никогда не слышал, как она поет. Мы летим...

Вдруг:

– Спаси!..

Я не понимаю, откуда раздается этот тревожный звук. Секунду-другую я прихожу в себя, затем чувствую боль: кто-то уцепился и больно сжимает мое плечо, пытаюсь прокрасться болью в мой сон. Что случилось? Только что мы с Рией...

– Тебя чуть было не выбросило за борт. Мы погибаем, а ты спишь...

И в самом деле, лодку швыряет так, что я едва не валюсь на спину. Если бы не эти крепкие руки, я бы уже барахтался за бортом. Волны встают стеной то слева, то справа, парус распорот, а лица моих попутчиков перекошены от испуга, в глазах – страх. Он едва просматривается сквозь пелену брызг, но не заметить его невозможно. Я впервые вижу их в таком отчаянии.

– Спаси же...

Они в панике. Они не верят больше в собственные силы. И похоже, что я – их последняя надежда. Мне приходится уцепиться за скамью, чтобы удержаться на ней. Ветер озлобился и в бешенстве дорывает парус, лодку бросает из стороны в сторону, как щепку. Я успеваю заметить, что силы многих уже на исходе, их выветренные лица искажены страхом, и они едва удерживаются в лодке, уцепившись кто за борт, кто за мачту. Порывы ветра срывают то и дело рой мелких холодных брызг и швыряют мне в лицо, как пощечину. За что, собственно?

– У меня нет больше сил...

Вокруг только злые, глубокие черные воды, грозящие гибелью. Зловещая пучина моря. Как победить хрипоту человеческой немощи? Я вижу, что друзья мои сломлены стихией и потеряли веру в себя. Слабость, которую они так открыто признают, меня раздражает. Не будь меня в этой лодке, разве они бы не боролись за жизнь? Я их не упрекаю, но мне не хочется быть свидетелями их слабодушия. Придется поупражнять свой голос и я не могу удержаться от проявления гнева:

– Что же вы, – кричу я, – что ж вы упали духом!..

Ветер срывает отдельные слова с моих губ и уносит в мрак ночи. Мой крик звучит, как обвинение не из ненависти к ним, от досады. Ведь не беда, что этот ветер ломает мачты и топит людей, зато он солью свежит лица смелых, треплет и рвет паруса трусливых.

– Что же вы так боязливы, малoverы?!

Я не выношу себя за этот укор, но ничего другого сказать не могу. Потом я буду сожалеть о своем гневе. А пока что, смилив раздражение, взбираюсь на корму, и выпростав обе руки перед собою, сбиваемый ударами ветра, прошу стихию:

– Умолкни...

Так просят ребенка перестать шалить.

И – о, чудо! – ветер тут же стихает. Будто ничего и не было. Будто не было рева волн, треска рвущегося паруса, скрипа мачты, будто не было этих криков о помощи и этого страха, переполнившего их глаза... Ничего. Конечно, для них это все – просто чудо. Чтобы море утихомирить одним только словом – такого они никогда не видели. А еще через мгновение на

черной утихомирившейся поверхности воды уже трепетно колыхнутся жемчужинки золотых звезд отраженного чистого неба.

Когда я снова усаживаюсь на скамью и невзначай бросаю короткий взгляд на своих учеников – они стоят словно каменные. Понятно, что их поразило – чудо. В мгновение ока мне покорились стихия. Но разве могло быть иначе? Неужели они до сих пор мне не верят? От такого неверия мне хочется поскорее добраться до своей цитадели духа. Мое одиночество уже ждет меня.

Глава 32

ВЫШЕЛ СЕЯТЕЛЬ СЕЯТЬ

Даже если я соглашаюсь, споря с собой, что кто-то из них, слушая меня, понимает сказанное, я не перестаю сомневаться. Каждую долю времени мир стремительно шагает в будущее, и страх, что я могу не успеть поселить в их угрюмых душах свои истины, еще пугает меня.

– Слушайте, слушайте же!..

Я прислушиваюсь к собственному голосу и нахожу его прекрасным. Для многих он уже привычен, его металлические нотки, зычность, а, бывает и гнев, приводят их в трепет. Я не снимаю с себя вины за свои промахи, когда слова мои не проникают в их уши, а взгляды выражают растерянность или полное равнодушие. Это, считаю я, моя и только моя вина, когда кто-то, слушая меня, не слышит. Меня трудно обмануть, делая только вид, что понимаешь сказанное: я ведь все вижу, все слышу, все понимаю. Если же кто-либо по неосмотрительности пытается это делать, я не укоряю его. Я предоставляю ему право быть самим собой. Теперь от них требуется испытание собственного духа. Я теперь беспрестанно проповедую свои истины, точно зная, как коротка моя жизнь. Само собой разумеется, что я пекусь только об их счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.